

№3

Март 2014

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽¹⁰¹⁾
Март 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК ОДИНОК
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 10 БЛОКАДА: НЕ ВСЕ МЫ УМРЕМ...
НАТАЛИЯ СОКОЛОВСКАЯ
- 14 КАЖДЫЙ ИЗ НАС «РИСУЕТ БОГА»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 НИТОЧКА, ИГОЛОЧКА, ПЕТЕЛЬКА, УЗЕЛОК И ЯНТАРНАЯ КАПЛЯ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 20 ЧЕСТЬ СМОЛОДУ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 29 ДУ Ю СПИК РАША?
НИНА ШАДУРИ
- 32 РУКОПИСИ ГЛЯДЯТСЯ В ГРЯДУЩЕЕ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 38 ОТ БАХА ДО ОФФЕНБАХА
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 41 «ТИФЛИС ГОРБАТЫЙ...»
ПАВЕЛ НЕРЛЕР
- 48 ПОЗДРАВЛЯЕМ!
- 49 ГОРОД ДОБРЫХ НАЧИНАНИЙ
- 50 ЛИНИИ ЖИЗНИ
ТЕЙМУРАЗ СТЕПАНОВ

На обложке – ПАМЯТНИК ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО В ТБИЛИСИ.
Скульпторы В. и О. Чепелики, архитектор В. Скульский.
Фото А. Сватикова

ФОНД РУССКИЙ МИР

ОТ ДО

ШОКОЛАДНЫЙ КОРОЛЬ

190 лет назад родился выдающийся отечественный промышленник – знаменитый «шоколадный король» Алексей Иванович Абрикосов. Основанное им предприятие существуют и поныне – это московский концерн «Бабаевский», в основе которого была известная на всю Россию кондитерская фабрика «Товарищества А.И. Абрикосова Сыновей». История широко известного бренда началась в самом конце позапрошлого века. Крепостной крестьянин Степан Николаев из Пензенской губернии был отпущен своей барыней на оброк в Москву в очень почтенном возрасте 64 лет. Он был великолепным кондитером, всю жизнь готовившим к господскому

столу вкусные варенье и фруктовую пастилу. И представьте себе, в суете большого города он не пропал, а создал мастерскую и варил варенье на продажу. И дела его пошли так успешно, что он выкупил из крепости и себя и своих близких – двух сыновей

и их жен с внуками. Все они и стали ядром семейного предприятия. Вскорости младший сын Иван – самый грамотный из них, записался в Семеновскую торговую сотню, став московским купцом и открыв лавку для сбыта готовой продукции. А в дни наполеоновского нашествия, по семейному преданию, случилась необычная история. Когда в мастерскую по изготовлению сладостей не уехавших в эвакуацию Николаевых зашел французский патруль, один из вражеских солдат – немолодой кучерявый блондин заинтересовался процессом варки смеси из яблок и абрикосов. Он подошел поближе к огромному дымящемуся чану и знаками начал показывать, какие ингредиенты он бы добавил. Иван Николаев подчинился – замечания француза ему показались дельными. Очевидно, это был мобилизованный в пехоту парижский кондитер, истосковавшийся по любимому делу. Он задержался до окончания работы и остался доволен результатом. Через несколько дней блондин еще раз их посетил и сам изготовил для них настоящие французские монпансье и фруктовые конфеты с начинкой желе, подробно объясняя жестами способы приготовления – настоящим мастерам даже «на пальцах» легко найти общий язык. А потом французы ушли из Москвы. Больше об этом кондитере Николаевы не слышали, но молились за его благополучное возвращение на родину. Неизвестно, правдивая ли эта история, но факт остается фактом, никто во всей Москве не готовил монпансье лучше. А вскорости Николаевых за умение творить чудеса с абрикосами так и прозвали – Абрикосовыми. В итоге это стало их фамилией. Но подлинный расцвет семейного бизнеса был связан с предводителем третьего поколения – Алексеем Ивановичем, внуком Степана и сыном Ивана. Он выгодно женился и на приданое в пять тысяч рублей развернул большой проект. Именно при нем была основана фабрика, расширился ассортимент, началось изготовление шоколада и открылись специализированные магазины. А еще произошло объединение с чаеоторговой компанией братьев Поповых – они были кузенами жены Алексея Абрикосова. В их семье родилось двадцать два ребенка. Это обеспечило преемственность руководства фамильным делом. А в 1899 году «Товариществу А.И. Абрикосова Сыновей» было присвоено почетное звание «Поставщик Двора его Императорского Величества».

Вспоминая Алексея Ивановича Абрикосова, можно сказать, что он, удерживая небольшую цену на свои кондитерские изделия, сделал шоко-

лад поистине народным лакомством, а не только для обеспеченной элиты.

После революции 1917 года империю «шоколадных королей» национализировали и запретили выпускать шоколад, а только карамель. В Великую Отечественную войну на фабрике и вовсе выпускали для фронта пищевые концентраты – брикеты пшенной и гречневой каши, сгущенку. Но уже с 1944-го по личному распоряжению Сталина, очевидно, помнившего старорежимные конфеты, было вновь налажено производство шоколада. Правда, станки для цехов были уже трофейными, их привезли из Германии.

ЖИТЕЛЬ СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЫ

Великий американский джазмен Гленн Миллер родился 110 лет назад. И все поклонники его творчества наверняка поставят на свои плееры его бессмертные хиты – «Chattanooga Choo-Choo», «Tuxedo Junction», «The American Patrol», «Kalamazoo», «Little Brown Jug», «Pennsylvania 6-5000», «String of Pearls» и визитную карточку его джаз-банды «Moonlight Serenade». А еще можно будет посмотреть чудную музыкальную комедию «Серенада Солнечной долины» с знаменитой фигуристкой Соней Хенни, где одним из второстепенных героев снялся сам маэстро Миллер. Глядя на него совершенно невозможно догадаться, что это эстрадная звезда – он был похож, скорее, на гарвардского профессора или модного писателя – в очках, одетый в безупречно твидовый костюм. К тому же, в джазовом мире до него никогда не было руководителя оркестра-тромбониста. В чем его популярность сегодня, сразу и не скажешь. Может, в особой задушевности его композиций, или особом драйве той же «Читанага-Чучи», а может в безупречных изысканных оранжировках – его называли королем оранжмента. А еще, конечно же, дело в необычайной харизме. Миллер олицетворял вовсе не брутального супермена, а настоящего, надежного мужчину-горожанина, хорошего отца, внимательного и верного друга. Таким был Атикус Финч – герой книги Харпер Ли «Убить пересмешника» - создатели

фильма по этой книге сделали их похожими. Гленн Миллер был женат только на одной женщине, был настоящей опорой и другом своим музыкантам, патриотом своей страны и пошел добровольцем на войну. А с войны он не пришел. Его самолет улетел туманным днем из Англии во Францию через Ла-Манш и навсегда пропал... Был это несчастный случай, или немецкий истребитель – так навсегда и осталось тайной.

НЕ ОТКРЫЛ, НО ОБЪЯСНИЛ

Все мы с детства знаем древнюю притчу про трех мудрецов, которых с закрытыми глазами попросили описать слона. Один потрогал хвост и сказал, что слон – это веревка, другой, ощутив хобот, решил, что слон – это змея, а третий, обняв ногу гиганта, решил, что слон – это дерево... Так было и с огромным новым материком Америкой. Колумб, первый добравшись до нее, до конца жизни утверждал, что это Индия. Он считал, что если двигаться на Запад, то из-за шарообразности нашей планеты, доплывешь до вожденной Земли пряностей. Хотя, тогдашние астрономы уже знали, что Земля круглая. Только об этом было не принято говорить, чтобы не ссориться с церковью. Хотя и церковники тоже об этом знали. Они только ждали того, кто доходчиво и не с воинственно-атеистических позиций объяснит миру, что именно открыли на западной стороне Атлантического океана...

И такой человек нашлся. Но им стал вовсе не отважный морской волк Христофор Колумб, а доселе никому не известный снабженец его первых экспедиций – флорентиец Америго Веспуччи, один из директоров крупного торгового дома. Он занимался оснащением кораблей Колумба. Сам великий адмирал отзывался о нем как о честном и дельном партнере. И незадолго до смерти даже рекомендовал его королю на должность главного кормчего. Но наступил момент, когда почтенный купец в возрасте 45 лет вдруг, как мальчишка убежал в море, чтобы увидеть неведомые земли, о которых грезили романтики

всех времен. Но как случилось, что Веспуччи, не командовавший никакими экспедициями, остался в истории наравне с великими капитанами-первооткрывателями? И почему именно его именем был назван новый материк? Да просто у него оказался хороший литературный стиль и образный язык. Америго так увлекательно описывал путешествия своим друзьям, что его письма было грех не опубликовать отдельной книгой, а она стала бестселлером того времени. Так о Новом Свете узнали читатели разных стран, а имя автора путевых заметок стало суперпопулярным. К тому же Веспуччи, которому в этом месяце исполняется 560 лет, первым догадался, что найденная земля вовсе не Индия, а новая часть света. Так Америка стала Америкой, а вовсе не Колумбией. И это не так уж и несправедливо! Потому что иногда важно не только открыть новое, но и интересно об этом рассказать.

ВЕЛИКИЙ КОБЗАРЬ

Девятого марта исполняется двести лет со дня рождения великого сына украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко – одного из основоположников национальной украинской литературы, поэта, этнографа и художника. Между прочим, он был еще и академиком Императорской Академии художеств. Но нам он больше известен своими стихами. Его поэтический сборник «Кобзарь» переиздается до сих пор. Хотя, письма и большая часть прозы написана по-русски.

Судьба у него была совсем непростая. Сын крепостного и сам крепостной помещика П.Энгельгарта Тарас рано осиротел и вынужден был стать сначала пастушком, а потом служить у дьячка-учителя. А после он стал помощником малюра, где освоился управлять с красками, проявив неожиданный талант художника. Его барин удивился и вознамерился сделать из него домашнего художника, что было модно среди крупных помещиков, которые из своих крепостных делали музыкантов и театральных артистов. Энгельгарт отдал его в учение, сначала в Вильне, а потом уже и в Санкт-Петербурге. Там, срисовывая статуи Летнего сада, он обратил на себя внимание земляка – художника И.Сошенко, который организовал его показ знаменитым художникам-академиком К.Брюллову, А.Венецианову и поэту В.Жуковскому. Юноша им очень понравился своей одаренностью и они решили попробовать его выволить из крепостных. Но тут неожиданно проявил упрямство его барин П.Энгельгарт. Было решено выку-

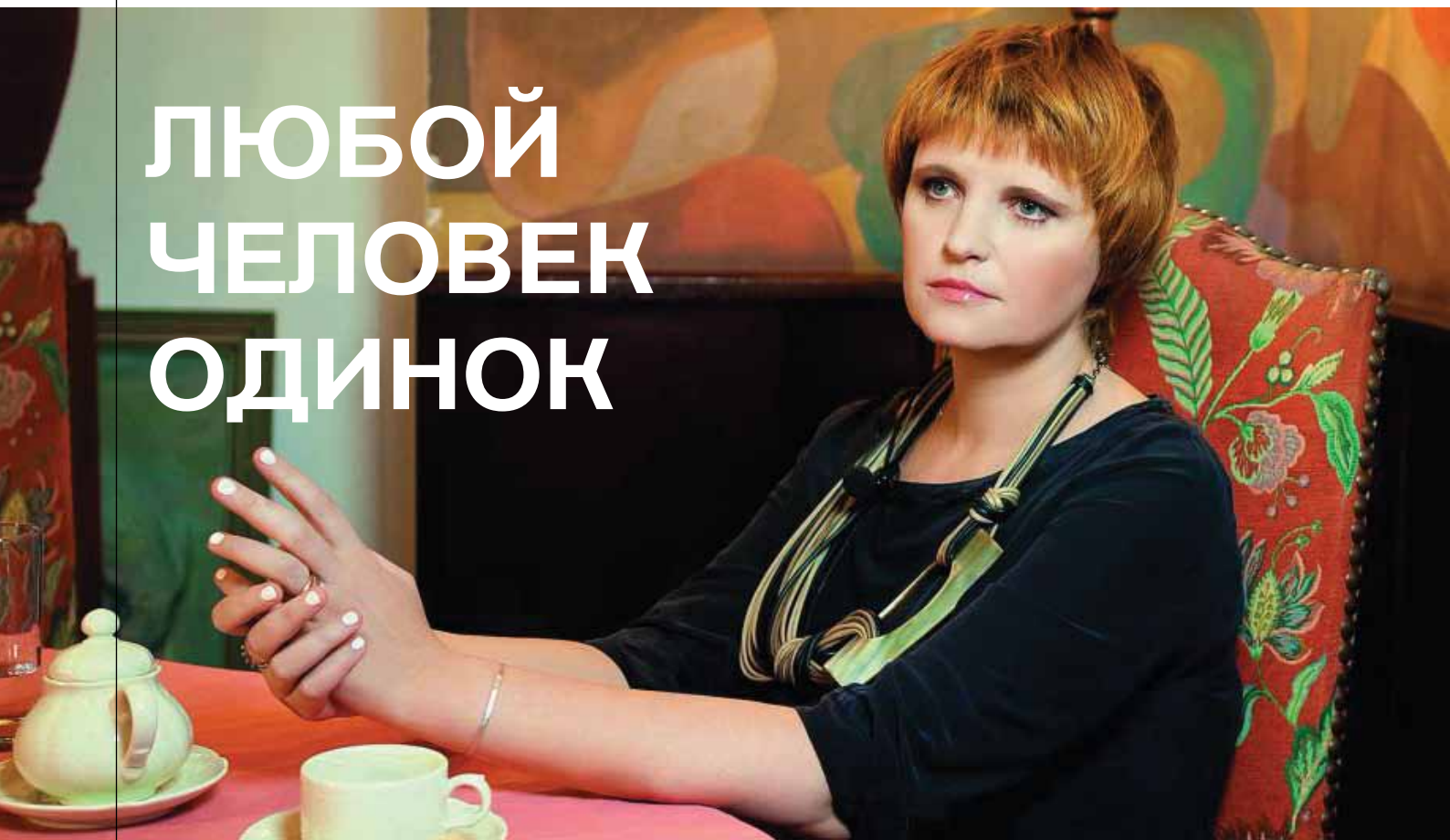

пить Тараса за огромную сумму. Помочь этому мог благотворительный художественный аукцион. Вот что вспоминал Шевченко: «Сговорившись предварительно с моим помещиком, Жуковский просил Брюллова написать с него портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и портрет у него был готов. Жуковский, с помощью графа Виельгорского, устроил лотерею в 2500 рублей, и этой ценой была куплена моя свобода 22 апреля 1838 года». И юноша с головой окунулся в работу, сочетая занятия живописью с поэзией. Он не только стал к 1843 году свободным художником, но и написал своего «Кобзаря» и поэму «Гайдамаки». Но в 1846 году Шевченко стал участником Кирилло-Мефодьевского общества, которое вскорости было в полном составе арестовано, как общественно опасное. Сам государь Николай Павлович занимался этим делом. К участию Тараса Шевченко он сначала отнесся снисходительно и даже посмеивался, читая его сатиры и эпиграммы, пока не наткнулся на ехидное стихотворение, посвященное его жене. Тут монарх разгневался и обиделся: «Допустим, он имел причины быть недовольным мною и ненавидеть меня, - заметил Николай, - но ее же за что?» Так Тараса Шевченко «забрили в солдаты» и, запретив писать и рисовать, отправили в степи Оренбургской губернии. Так прошли долгие одиннадцать лет. В ссылке Шевченко морально окреп и обзавелся знакомствами с деятельными вольнодумцами и ссыльными поляками. После смерти Николая I, он вышел на волю по ходатайству Президента Академии художеств графа Толстого. После освобождения он проживал в Петербурге, занимаясь не только литературой, но и художественными работами. Он стал замечательным гравером. А в 1860 году ему было присвоено звание академика.

Последние годы своей жизни Тарас Григорьевич составлял школьные учебники на украинском языке. Умер он, к сожалению, в 47 лет, оставив множество нереализованных проектов – крепостная юность и солдатчина не прошли даром. Он был похоронен, согласно своему завещанию, на Украине на самой Чернычье горе возле города Канева.

Роб АВАДЯЕВ

ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК ОДИНОК

▲ Авдогья Смирнова

В рамках очередного фестиваля российского кино в Грузии была представлена ретроспектива фильмов Авдогьи и Андрея Смирновых. Одна из картин, которую увидели тбилисцы, - «Гламур» Андрона Кончаловского. Соавтор сценария (вместе с А.Кончаловским) - режиссер, сценарист, телеведущая Авдогья Смирнова. Перед показом она рассказала о разногласиях с режиссером, возникших в процессе создания картины.

- Раньше мне казалось, что общество не до такой степени детерминировано деньгами. И это было основным пунктом наших споров с Андроном Кончаловским. Я считала, что это только в Москве и только в определенной тусовке. Но со временем поняла, что режиссер просто предвидел какие-то вещи.

- *Время показало, что Кончаловский прав?*

- Да. Его прогнозы подтвердились.

- *Читала в одном из ваших интервью, что когда вы только начинали снимать фильмы, то чувствовали себя испуганным режиссером...*

- Я говорила, что любой сценарист - это трусливый режиссер. Сценарист, когда он пишет, в своей голове одновременно снимает кино. Но просто боится взять на себя всю меру ответственности. Я и сейчас так думаю. Поэтому сценарист никогда не удовлетворен результатом, полученным от режиссера. Он видит свои картинки, свои сны, а режиссер - свои. Но это вполне естественная составляющая профессии сценариста.

- *И все-таки чье режиссерское решение оказалось близко тому, что вы представляли, когда писали сценарий?*

- Решение режиссера Авдогьи Смирновой. Сценарий своего первого фильма «Связь» я писала для режиссера, с которым уже сделала несколько фильмов, - Алексея Учителя. Он отказался снимать и предложил

мне. Я испугалась, но все-таки решила рискнуть.

- *И многое пришлось преодолеть, чтобы выступить в новом для вас качестве режиссера?*

- Неуверенность, непонимание того, как это надо делать. Но мне очень помогли мои товарищи, с которыми я делала свою первую картину - прежде всего, оператор-постановщик, Сергей Мачильский. Он был настоящим соавтором, учил меня, причем очень тактично, так что я это не всегда понимала, - разводить мизансцену, строить кадр. Единственное, чему мне не пришлось учиться, - это работа с актерами. Поскольку я всегда очень любила этим заниматься. Мне кажется, я чувствую актеров. Понимаю, как с ними взаимодействовать и добиваться того или иного результата. Кино - искусство коллективное, но оно должно иметь мотором единую волю. Ее может дать только режиссер. Только он знает, чего добивается. Как говорит мой отец, режиссер - это человек, который знает, чего он хочет и умеет объяснить это другим.

- *Режиссерское образование обязательно, чтобы снимать кино?*

- Лучше, чтобы оно было. Мне, безусловно, не хватает режиссерского образования. Но вопрос в том, где и как ты его получил.

- *Но вы уже не будете к этому стремиться?*

- У меня все-таки за плечами несколько картин. Я уже в том возрасте, когда учатся на ходу. И потом, я ведь пришла в эту профессию не с улицы. Работала как сценарист, благодаря Алексею Учителю не раз присутствовала на монтаже. Принимала в нем пассивное участие. Свою картину «Мания Жизели» я честно отработала в качестве ассистента художника-постановщика именно для того, чтобы знать, как это все устроено. Так что доморощенные, но все-таки какие-то свои универси-

теты у меня были. Кстати, изначально я хотела поступить во ВГИК на сценарный факультет, но мой отец, актер и режиссер Андрей Смирнов, категорически этому воспротивился, и у меня не хватило характера, чтобы настоять на своем. «Если ты поступишь во ВГИК, я перестану с тобой разговаривать!» - сказал он мне. Отец считал, что во ВГИКе не дают серьезного образования, что мне нужно получить более фундаментальные знания и что филология – это то, что мне нужно. И я как послушная девочка поступила в МГУ. А в кино пришла не благодаря, а вопреки своему отцу. Я прошла через другую дверь, других людей. Отец ничем в этом не помогал, и слава богу. Потому что сейчас ни один из моих коллег не упрекнет меня в том, что я попала в кино по благу. Я начинала в документальном кино и прошла практически все ступени. Так что я пришла в кино позже и по-другому. И не жалею об этом. Мне много дало то, что я училась на филологическом и театроведческом факультетах, занималась современным искусством, пыталась писать об этом. Конечно, жаль, что у меня не было настоящего студенчества.

- Как вы сами для себя определяете суть того, чем занимаетесь в кино?

- Я рассказываю истории про людей. Про то, что все происходящее с нами в жизни не уникально, - это уже было с кем-то. Мне кажется, это должно как-то утешать человека, - то, что он не один. Что все его горести, неприятности случались и с другими людьми, в другое время. И все равно можно выкарабкаться.

- Для поэта Елены Исаевой, поэзия – это способ гармонизации мира. То есть то, чем вы занимаетесь в кино, - тоже своего рода способ гармонизации?

- Да нет. Я не ставлю перед собой таких глобальных задач. Я рассказываю людям истории про них самих. Мы же сказочники, мы производим иллюзию! И моя задача, чтобы человеку эти полтора часа, что идет фильм, было не скучно, чтобы он не пожалел о потраченном времени. Чтобы его что-то рассмешило или огорчило. Чтобы он вышел из кинотеатра, и ему захотелось выпить с друзьями вина и поговорить о жизни.

- То есть вы делаете кино для массового зрителя?

- Я считаю, что да. Есть такое слово – «мейнстрим». Мне кажется, что я делаю кино для достаточно широкого зрителя. Я не умею делать кино для совсем молодых людей, для подростков, которые составляют сейчас в России основную массу кинозрителей. Я рассказываю истории для взрослых, но для самых обыкновенных взрослых, которые успели в жизни что-то почувствовать и подумать. Не для киноманов.

- Мне кажется, что интеллигентные героини ваших картин «Два дня» и «Кококо», которых играют Ксения Раппопорт и Анна Михалкова, - это ваши протагонисты. Я вижу в них ваше отношение к миру. Так ли это?

- Но точно так же и в других героях есть мое отношение к миру. Нет, ни одна, ни другая героини не являются моими портретами. Есть брать картину «Кококо», то в обеих героинях есть мои черты. А есть совершенно не мои. Что касается героини фильма «Два дня», то в ней тоже есть какие-то мои черты, но есть и абсолютно выдуманные. В обеих есть что-то общее – они из одного сословия, обе интеллигентки и обе работают в музее. Но это связано, скорее, с тем, что я очень люблю и хорошо знаю музейный мир. И мне было всегда жалко, что его не видно в кино. А ведь это совершенно особый мир. У

музейщиков есть свои черты – милые, смешные, замечательные и неприятные, да какие угодно. Но эти люди бескорыстно занимаются производством или хранением культурной памяти, духовных ценностей. Это накладывает на них особый отпечаток, который был мне всегда очень интересен. Жаль, что никто не смотрит в эту сторону, не думает о том, как и чем живут сотрудники музеев. Но это совершенно не значит, что в дальнейшем я буду рассказывать истории только про музейщиков. Тем более что герои моей картины «Связь» - это самые обычные клерки: она рекламный агент, он хозяин небольшого магазина. Совсем другая среда. Меня интересуют разные социальные группы, которые так или иначе не осознаны кино. В какой-то момент интеллигент

▲ Ведущие передачи «Школа злословия»

ция совсем ушла с экранов. Мне захотелось ее вернуть. Интеллигентия вполне заслуживает того, чтобы о ней тоже говорили.

- А не только об олигархах и проститутках.

- Совершенно верно.

- Граница между двумя героинями фильма «Кококо» непреодолима? Лиза – интеллигентка, Вика – духовно неразвитый человек, что называется, быдло...

- Я совершенно не считаю Вика быдлом. Быдло – я не знаю, что это такое. Когда вглядываешься в человека, то он не может быть быдлом. Вика, которую играет Яна Троянова, вызывает мою симпатию. И восхищение, и раздражение, и неприятие – но точно так же, как и героиня Анны Михалковой – Лиза. Вы говорите, что граница непреодолима. Хорошо, что возникло слово «граница». Это фильм про нарушение границ. Они обе нарушают границы личности друг друга. Это вообще наша русская черта – дружба взасос, неумение соблюдать дистанцию. Непонимание того, что то, что хорошо для тебя, может быть совершенно не хорошо для другого. И в этом смысле Лиза и Вика виноваты обе, и их обеих жалко. Они обе дуры, и обе несчастные. Преодолима ли граница между ними? Да зачем ее преодолевать? Это граница не между сословиями, а между людьми. У каждого своя биография, свои пристрастия. А мы часто от неопытности или глупости начинаем свои причуды навязывать другим. Эта история – про наши безграничные мучения именно по той причине, что мы лезем. Не спросив, готов ли к этому человек. Лиза совершает ужасные, унижительные поступки по отношению к Вике, она бесконечно, не замечая того, топчет ее чувство собственного достоинства, самоуважение. Лиза бесконечно доказывает Вике, даже не осознавая этого, что все, чем Вика жила до встречи с ней, неправильно и ненужно, и сейчас она объяснит ей, как надо. Да не надо никому ничего объяснять!

▲ Ф.Бондарчук, А.Смирнова, А.Чубайс

- Может быть, это просто попытка преодолеть одиночество?

- Конечно, и это тоже... Любой человек одинок. И человеческая зрелость в этом и состоит, чтобы уметь жить с этим одиночеством, правильно его принимать и не преодолевать его за счет других людей, за счет чужих нервов и судеб. Вика тоже хороша. Но ей никогда ничего никто не объяснял, а Лизе-то объясняли! Это история про инфантилизм.

- Вообще присущий интеллигенции. Это ведь то самое уязвимое место...

- Да, можно так сказать.

- И это то, что всегда мешало, мешает и будет мешать жить.

- Наверное.

- Нашла в Интернете список литературы – десять произведений, определивших вашу жизнь и духовное становление. Из них большая часть – это произведения русской литературы и только три – зарубежной. Из современных авторов вы назвали только португальского писателя Жозе Сарамаго.

- Это книги, которые, так или иначе, сформировали мою душу, личность. Понятно, что формирование происходит до определенного возраста, потом уже личность сформирована, так что книга или фильм уже не может оказать на тебя особого влияния, ведь ты созревший человек. Ты то, что ты есть, и не станешь другим. Принцип такой: это те книги, которые я перечитываю в своей жизни много раз. А то, что большей частью там русская литература, вполне естественно. Мой язык, моя культура. Русские писатели – это все мои родственники. Душевно. Конечно, они занимают особое место в моей жизни.

- А «Волшебная гора» Томаса Манна?

- Там ведь не зря главная героиня русская. Местами Манн – совершенно русский писатель! Именно на него русская литература оказала такое сильное влияние. Достоевского и Толстого Томас Манн знал великолепно. Я назвала «Волшебную гору» в числе книг, оказавших на меня влияние, поскольку это история взросления, формирования, история того, как человек вырастает сам из себя, из своей среды, своих предрассудков, как он проходит через определенные искусы и кем в итоге становится. Мне кажется, что эта книжка для любого созревающего человека очень важна. В первый раз я прочла «Волшебную гору», когда мне было лет 15. Не помню, что я вообще поняла, по-моему, я следила только за любовной историей Ганса Касторпа и Клавдии Шоша. А потом я читала этот роман много раз, и читаю до сих пор. «Волшебная гора» - книга, которая очень укрепляет тебя в намерении думать и анализировать происходящее в жизни.

- А почему не «Доктор Фаустус»? Это ведь тоже

школа становления личности?

- Да, школа становления гения – композитора Адриана Леверкюна. А Касторп из «Волшебной горы» - это заурядность, обыватель. И при том, что я очень люблю «Доктора Фаустуса», я не могу себя чувствовать Леверкюном. Я не являюсь гениальным композитором. Мне легче идентифицировать себя, как говорит Клавдия Шоша, с «маленьким буржуа с влажным очажком». Мне кажется, каждый из нас в какой-то степени «маленький буржуа с влажным очажком». И потом, «Доктор Фаустус» во многом философский роман. Он скорее про историю мысли, чем про историю чувств. Я очень люблю эту книгу, но в десятку она для меня не входит. По тому воздействию, какое «Доктор Фаустус» на меня оказал.

- А чем вам близок Жозе Сарамаго?

- Этого писателя я очень поздно для себя открыла. Начала читать Сарамаго лет пять назад, и он меня совершенно поразил. Меня потрясло, что я пропустила писателя такого масштаба. Конечно, он соревновался именно с Томасом Манном. Например, «Евангелие от Иисуса» - это прямая полемика с Томасом Манном, с его тетралогией «Иосиф и его братья», прежде всего, с его пониманием божественного. На мой взгляд, когда читаешь переводную литературу, большое значение имеет, как это переведено. Нам очень повезло, что Сарамаго переведен на русский язык абсолютно гениальным переводчиком Александром Сергеевичем Богдановским. Поэтому у нас есть свой, русский Сарамаго – совершенно волшебный! И меня просто поразила масштабность его высказываний. Каждый роман, который я читала, мне казался самым главным и любимым, пока я не прочла «Год смерти Рикардо Рейса». Потому что это его самый, может быть, тонкий и самый художественный роман. Он во многом о природе искусства и совершенно не похож на другие вещи Сарамаго, которые я читала. И он не богоборческий, в романе писатель не борется ни с богом, ни с богами, хотя в других романах Жозе Сарамаго – богоборец. «Год смерти Рикардо Рейса» - о волшебстве, которым является искусство. В нем показана сложная система отражений и рифм о природе поэзии. Словом, это совершенно прелестное, завораживающее чтение. Меня спросили однажды: «Ты читала Сарамаго?» - «Да!» - «А его «Год смерти Рикардо Рейса»? - «Пока нет!» - «Значит, ты еще не читала Сарамаго!» Действительно, я знала одного Сарамаго и не знала другого. И этот другой меня потряс едва ли не больше, чем первый. Вообще Сарамаго – мой любимый писатель, и огромное счастье, что я могу его читать по-русски.

- Почему в этом списке русских классиков нет Достоевского?

- Известно, что люди делятся на тех, кто любит Толстого, и тех, кто предпочитает Достоевского. Я, например, люблю Достоевского и читала все, что он написал. Многие вещи несколько раз. Но Толстого я чувствую острее. Конечно, Достоевский открыл потрясающие вещи в человеке – то, что до него никто не открывал, додумался до таких вещей, до которых никто до него не додумывался. Но он же мучительный, говорит о мучении, а Толстой – о том, как прекрасен мир. О том, что мир и люди могут быть ужасными, но на самом деле все сводится к какому-то ощущению гармонии. Поэтому для меня Толстой важнее, чем Достоевский. Но это вопрос личных предпочтений.

- Вы поставили на телевидении «Отцы и дети». Откуда возник Иван Тургенев?

- Я не очень люблю Тургенева, но очень люблю роман «Отцы и дети». И всегда очень любила, помню, как

рыдала на сцене смерти Базарова. В какой-то момент я стала думать, что у этого романа очень несчастливая судьба. Причем с самого момента его выхода. Роман антиполитический, а его прочли как политический. И всегда читали так. Это роман о чувствах, семейных отношениях, а его воспринимали как произведение о нигилистах. Я хотела исправить эту несправедливость, насколько это возможно. Сказать, что Иван Сергеевич был не дурак, когда выбирал название для романа. Он не просто так назвал его «Отцы и дети». Это действительно роман об отцах и детях, о братьях и сестрах. Там есть две сестры, два брата. Родители и дети. Это, может быть, самый английский из русских романов. В том смысле, как в нем исследуются взаимоотношения в семье. Очень хотелось поставить это произведение как семейный роман. Тронуть зрителей родителями Базарова. Мне очень хотелось, чтобы увидели сходство между Базаровым и Павлом Петровичем Кирсановым. Тургенев на протяжении всего романа данный момент подчеркивает, а критики этого не заметили. Я хотела, чтобы увидели, какой прекрасный человек Николай Петрович Кирсанов. В школе нам его показывали, как слабого, мягкого, даже глуповатого человека. Хотя он обладает такой деликатностью сердца, что едва ли не умнее всех героев этого романа. Мне просто хотелось по-другому взглянуть, чтобы все увидели в романе прелестные характеры. Мне хочется, чтобы в Базарове увидели не только нигилиста и грубияна, но очень молодого человека с раненым самолюбием, с очень несчастной любовной историей.

- Такой женский взгляд.

- Мне не кажется, что это вопрос пола. Когда я пришла с идеей реализации этого проекта к продюсеру Валерию Тодоровскому и объяснила ему, почему это нужно снимать, он сказал сразу: «Замечательно! Завтра же начинай».

- Фильм «Дневник его жены», снятый по вашему сценарию, - это тоже попытка взглянуть по-другому? На писателя Бунина?

- Что значит - «по-другому»? На него никак не смотрели, Бунин долгое время был под полузапретом. Бунина я знаю наизусть, он уже входит в состав моей крови. Поэтому я могла бы назвать его своим близким родственником. «Дневник его жены» - это попытка рассказать об одиночестве среди людей. Первая попытка как-то рассказать об эмиграции. Я понимаю, что Бунин был не таким, и многое было по-другому. «Дневник его жены» - это, конечно, история про одиночество - каждого из героев, но, прежде всего, Ивана Алексеевича. Очень большого художника, совершенно ни на кого не похожего, абсолютного волшебника, который страшно мучился от того, что при его жизни мало кто понимал масштаб его дарования. Когда он умер, появилась статья Георгия Адамовича, своего рода некролог. В ней было сказано, что окружающие мало понимали, какого масштаба художник находится рядом с ними. В какой-то степени это продолжалось и потом. Он был, в общем, полузабыт. Нобелевскую премию он получил еще до того, как написал лучшие свои книги. В 1932 году. И только через десять лет он напишет «Темные аллеи». К тому моменту, когда он достиг абсолютной вершины, его прочно забыли. Уже случилась война, и никому не нужно было его переводить. Уже никого не интересовала его Нобелевская премия. Он умирал фактически в нищете.

- А что интересного происходит в современной рус-

ской литературе?

- Да много чего интересного происходит. Есть такой замечательный писатель Александр Терехов. Его последний роман «Немцы» - это большое событие в литературной жизни. Очень крупная, значимая книга. Терехов - оригинальный, ни на кого не похожий писатель. Все время что-то интересное происходит - и в поэзии, и в прозе, и в кинематографе. Абсолютно цветущие литература, кино, театр...

- Ваш отец, актер и режиссер Андрей Смирнов, утверждает, что российское кино умерло.

- Отец не имеет в виду, что умер кинематограф как таковой. Он имеет в виду, что умерла модель взаимоотношений «кинематограф - зрители», существовавшая

раньше. А чем ее заменить, пока непонятно. Потому что царит американский кинематограф для тринадцатилетних, процветает пиратство... Но это никак не умаляет значение талантливых людей, которые в кино работают. Можно назвать 10-15 имен блестящих режиссеров, картины которых становятся событием. Так что я не вижу никакого кризиса кино.

- Вы верующий человек?

- Да, но не считаю, что можно навязывать свою веру другим, и с уважением отношусь ко всем конфессиям, убеждениям, в том числе атеизму. Та напыщенная серьезность, с которой Русская православная церковь пытается насадить православие в обществе, представляется мне ненужной, а может быть и пагубной. Мне неприятен напыщенный, надутый дундук, который каждого учит жить и требует от всех немедленного воцерковления. Православие тоже бывает разное...

- Дуня, вы производите сейчас совсем другое впечатление, чем та телеведущая, что ведет передачу «Школа злословия» - колкая, язвительная.

- Конечно, это условие игры. Мы ведь выполняем некую актерскую задачу - важно не показать самих себя такими, какие мы есть, а раскрыть того человека, с которым мы разговариваем. Нельзя актрису, играющую леди Макбет, обвинять в убийстве.

Инна БЕЗИРГАНОВА

БЛОКАДА: НЕ ВСЕ МЫ УМРЕМ, НО ВСЕ

К 70-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДА ОТ ФАШИСТСКОЙ БЛОКАДЫ

ИЗМЕНИМСЯ...

ОКОНЧАНИЕ

Владимир Ге, лектор политотдела 42-й армии Ленфронта. Писал ретроспективно в 1943 году о событиях зимы 1941-42 гг. В данном отрывке поразительно, при всей сочувственной интонации, использование отстраненных местоимений «их», «им» в отношении ленинградцев, а так же подсознательного/косвенного признания вины властей в произошедшей трагедии (см. курсив).

...Я не знаю ни одного случая открыто выражаемого политического недовольства, возведения на советскую власть вины на обрушившееся несчастье, ропот или возмущения. А ведь в их положении, им терять нечего было. И в редкие налеты на грузовики или тележки, везущие хлеб или продукты, с целью расхищения были исключением, вызваны острым чувством голода, не носившие в себе никаких признаков протеста. Конечно, были среди такого огромного города и антисоветски настроенные люди, но они не имели массовой базы не смотря, на казалось бы «благоприятные» для этого обстоятельства. Люди не роптали, а мирились. Люди не возмущались, а цеплялись за невидимый луч надежды. Люди ненавидели врага, в нем они усматривали виновника их бедствий. Люди упорно, выбиваясь из последних сил, продолжали

работать на оборону города. Люди умирали без протеста и, я бы сказал без страха. Психологически они себя уже подготовили. Многие похоронили себя еще живыми. Я слышал рассуждения некоторых, что их не пугает то, что они умрут через несколько дней, а их гнетет, что они будут брошены на свалку мертвецов, как и тысячи других до них. Их угнетала мысль, что они умрут, возможно, где-то на дворе, или на незнакомой улице, что их не смогут похоронить, а через день, два, три их подберут незнакомые люди, бросят на грузовик, наполненный телами мертвецов, и свалят где-то за городом в, вырытый экскаватором котлован. И каждый понимал, что это неизбежно, что власти не могут, не в силах изменить положение.

Сентябрь 1943

...столовая на Советском проспекте. Снаряд угодил в окно столовой, окна и рамы были выворочены, всюду валялся кирпич и разбитые стекла. Но столовая возобновила сразу работу. Публика сидела за столиками. Официантки разносили обед, перешагивая через глыбы вывороченного кирпича. Трудно было сказать, обедают ли люди в помещении или среди развалин. Покосившаяся буфетная стойка тоже работала. Единственное отступление от нормального состояния в работе этой столовой было

– образовавшаяся на улице у входа в столовую очередь человек в 20. Так живет наш фронтовой город.

Около Охтинского моста какой-то прохожий, видимо, безуспешно ожидая трамвая, поставив на землю пакет из книг, ушел, забыв его взять. Публика, спустя некоторое время, заметила, что пакет «бесхозный», сразу же заявила стоявшему на перекрестке милиционеру, чтобы он взял этот пакет. Впоследствии он, видимо, остался доволен приобретением, так как когда я с одним командиром подошел проверить, что это за пакет (для того, чтобы сдать его в наш штаб, если он имел бы военный характер), то в пакете оказалось четыре тома Л.Толстого «Война и мир».

Лев Ходорков, главный инженер 5 ГЭС.

Январь 1942

...Вчера, у соседнего с нашим дома № 27 по Саратовской неизвестный в 8.30 утра ударом по голове убил девочку 11-12 лет, шедшую из булочной с хлебом, вырвал хлеб и скрылся.

...Станция потребляет извне около 1000 квт. Это непосильное для системы бремя. Крупнейшие ленинградские заводы-гиганты столько не получают. Приказано резко сократить потребление. Отключаются насосы, вентиляторы на обогреваемых котлах, уменьшается расход воды и т.д.

...Положение с продуктами катастрофическое. Не получены продукты за 20 дней. В магазинах ничего нет кроме хлеба, смешанного с дурандой. Совершенно черного и не насыщающего. Смертность громадная. ...Народ валится с ног все сильнее – в прогрессии.

...Стоят сильные морозы. Не работает центральное

отопление. Замерз водопровод, нет света, не работает уборная, бани. Голод, кругом больные, голодные и мертвые.

Моя попытка сохранить хоть основные кадры уперлась во все усиливающуюся нехватку продуктов. До первого февраля многие не доживут.

...одинокая мать тянет сани на кладбище, чтобы сбросить тело в снег. О горе!

Январь 1942

Сильный мороз. Заморозили паропровод и водяной экономайзер котла №3. У начальника цеха собрались ИТР. Даю указание, что делать. ...в соседней комнате умирает кочегар. Мы не прерываем своих занятий. Буфетчица с лопающимся от жира лицом, со смешком говорит: «Где тут умирающий, пусть перед смертью поест суп». Все мерзнет. Надо спасти оборудование.

...Иду домой. Угол Некрасова и Володарского. Ящик с песком для тушения зажигательных бомб у стенки дома. В ящике снег. На снегу навзничь лежит девочка 10-11 лет. Умирает. Стонет перед смертью. Равнодушно проходят.

...У Дома Красной Армии замерзает плохо одетый мальчик лет 8. Рыдает, кричит: мама, мама. Никто не обращает внимания.

...Хочу сберечь основные кадры... Сердце разрывается смотреть, что делается с нашими людьми.

Золотые люди, выросшие в течение 10-20 лет, гибнут. В неприкосновенности сохраняются кадры нарпита и продуктовых магазинов.

Февраль 1942

Заморожена первая очередь (теплоэлектростанции – Н.С.), вышли из строя питательные линии. Большие перебои с продажей хлеба. Есть в городе мука, но стоят хлебозаводы. Нет энергии, нет воды.

С голода повесился мастер. ...Воют замерзающие голодные женщины. Утром лежат мертвыми. Сильный обстрел города. Снаряды рвутся в нашем районе.

Конец февраля 1942

Петроградская сторона. Щель в парке. В щель брошен завернутый в тряпки труп мужчины. Спотыкаюсь. У входа в щель небольшой сверток, перевязанный бечевкой, лежит на земле. Разрываю бумажную оболочку. Выглядывают детские ножки в шерстяных носочках. На помойке голый труп мальчика лет 12-13. Губы, щеки, шея объедены крысами.

...Приступили вчера к восстановлению котла № 2 – третьего по счету.

...День ленинградской женщины: вынести ведро с нечистотами, пойти с ведрами на Неву. Выстоять в длинной очереди к проруби. Принести воду, накормить ребенка. Стать в многочасовую очередь за продуктами. Пойти в консультацию за подкормом, напилить, наколоть, нанести дров. Растопить печку. Тяжелый день.

Март 1942

Зажигательными снарядами подожжено и сгорело здание Ленэнерго со стороны Аптекарского переулка. ...Начали выходить из строя отремонтированные котлы. Причина пока неясна.

В день умирает 2-2,5 тысяч. Максимум был 20/1 – в этот день умерло 19 тысяч. Какой ужас в семье – крик голодного ребенка. Озлобление взрослых против него...

Апрель 1942

Под вечер пошел пройтись по набережной с командиром краснофлотцев. Прошли километра 3 в оба конца.

Дорожные сцены:

Сцена 1-ая. У фабрики-кухни ничком на талом снегу, головой в грязи, умирает женщина. У рта – кровавая пена.

Сцена 2-ая. Несколько мальчишек, оживленно переключаясь, указывают на что-то, лежащее в снегу на берегу реки. Подходим – оскаленная голова торчит из-под снега, как на блюде. Снег по шею.

Сцена 3-ья. Грохот разрывов на левом берегу. С недолетом рвутся снаряды. Встают облака дыма. Идем дальше.

Сцена 4-ая. Муж и жена выносят на веревках невероятно худое тело ребенка, завернутое в лоскуты ткани.

В семье – дети и иждивенцы. Принимают решение, кто должен умереть. Недокармливают, чтобы выжили

остальные. Как ужасно! Ребенок осужден. Он хочет жить. Подбирает каждую крошку. Рыдает. Взрослые озлоблены и готовы убить себя и его.

В других семьях находят моральную силу делить порвну.

Надо помнить, сколько горя и глубокого смысла кроется за каждой коротенькой строчкой записи.

Татьяна Великотная, служащая.

Зима 1941-42 гг.

Когда нас посадили (служащего и иждивенца) на 125 г хлеба, то мы скоро осознали свое бессилие, пила падала из рук, папа с трудом колот дрова, а к середине декабря перестал носить воду из колодца. За период с 15 ноября по 15 декабря мы съели собаку, которую я по легкомыслию (в чем и каюсь) взяла от Е.Л. Франка, и двух кошек. Последнюю кошку папа заготовил с 2/1, и я еще имела возможность варить суп из ее шкурки.

...Мы с Катей пошли в совхоз, просили сделать гроб; отказ: досок нет. «Хороните без гроба, - сказал директор, - не вы первая». Мне показалось это очень оскорбительным и печальным, но теперь я пришла к другому заключению: время такое, что нет прежних норм жизни и смерти...

...Стоят не зарытые гроба! Стоят вскрытые гроба, и покойники в них лежат полураздетые, т.к. с них все сняли, что можно носить, валяются трупы голые, обезглавленные, с вырезанными частично членами. Я пришла в ужас от исхудавшего тела, у которого все же умудрились вырезать верхнюю часть ноги. С какой целью? Вытопить для продажи несуществующий жир?..

Вот эти-то картины и привели меня к сознанию, что лучше быть зарытому без гроба, как папе, чем брошенному на произвол судьбы в гробу.

21 марта 1942 г.

Сейчас 6 ч. вечера, светло, могу еще немного почитать. ...Чувствую, что даже на пуховой подушке больно сидеть. (Из-за полного исчезновения жировой прослойки – Н.С.)

26 марта 1942 г.

Я нахожусь сейчас в самых противоречивых чувствах: и устала от жизни – сама хочу умереть, и в то же время хочу еще видеть Саню, людей; перед Катей неудобно: то умираю, то мне чуть лучше. ...*Сегодня я наслаждалась Гоголем – читала «Портрет», «Коляску» и «Рим».* Из шкафа достала Сане Блока, пусть возьмет себе. Саше останутся все его классики, что я любовно копила за последние годы.

30 марта 1942 г.

Я вчера читала целый день «14-е декабря» Мережковского, предварительно разорвав книгу пополам, т.к. не в состоянии держать в руках такую тяжесть.

...Идет Страстная неделя – надо больше читать Евангелие.

...Будет величайшее счастье для меня исповедовать-ся и приобщиться Святых Тайн.

+ 1 апреля 1942 г.

(Эта последняя запись с крестом, означающим смерть, сделана, по всей видимости, рукой сестры – Н.С.)

Вера Берхман, медицинский работник. Верующая. Дневник является как бы продолжением дневника ее сестры, Татьяны Великотной. Дневник Веры Берхман показывает невероятную работу, которая шла в душах многих ленинградцев, следующих кругами блокадного ада.

Июнь 1942

...Экзамен голода я провалила, как проваливают ученики какой-либо предмет, если к нему не подготовиться. Я никак не ответила. Когда перед Соборованием ...за 12 дней до Ксениной кончины, когда мы все по ее инициативе собрались из нескольких квартир в ее комнате и пришел иеромонах Симон, то моя мысль вертелась только на том, что это все будет очень долго – и как это выдержать «без кипяточка» до 4-х-5 ч. дня? Умиравшая и бодрствующая Ксения мне сказала сожалительно и строго: «Мне казалось, что ты стремишься к таинству». ...Я, жалкая, тупая скелетина, думала только о самоварчике... Мне было жалко поделиться 2 кусочками полученного наконец-то сахара в общую пользу для трапезы с иеромонахом Симоном, который нас напутствовал и умер через 5 дней сам.

Сентябрь 1942

Мучит меня то, что я все съедаю. Не спрятать, не воздержаться. Но все же – не меньше ли я теперь животное? Много плачу и как только заплакала, так плачу ежедневно. Умом я начала охватывать ужасы, сердцем – сострадать, где только можно. *Начала с Божией помощью приневоливать волю к добру.* Слезы – моя радость, моя бодрость, они умывают грязь и ржавчину. О, какие у меня порывы к животной жизни, к скотской, к распущенности. Жадность, невнимание к людям. Лишь бы себе покой. Лишь бы поесть. Какое животное! ... Когда же кончится это страдание, подкаски совести? Второй Голод Любви – и нет к ней сил. Всегда побеждаюсь... Но сейчас... голода зимы 1941/1942 ведь нет, и не имею права сказать: «Голодно!» Но мы, истощенные, неполноценность нашу возместить не можем, не получаем того, что по истощению надо. Это уж истощение сердца, питания клеточек, всей нервной системы.

...Господь коснулся меня сейчас в грозе и буре, – я в смятении чувств, сама знаю, что сейчас не прежняя я, но и еще не такова, как должно быть...

...Обстрел был какой длительный. Продолжался два с половиной часа и все выбил из колеи. Ну, что делать во время него? Молиться бы надо. Но я, как подлая, молюсь, когда грохает уж очень близко, или помолюсь, помолюсь, а наступает молчание между снарядами, займусь сразу то стиркой платков, то жую кусок хлеба...

Мне сказала одна очень духовная особа, что продолжать спать во время обстрелов не надо, нельзя. Это как «се Жених грядет в полнощи». Это чуткая мысль. А мы

все так притуплены блокадой, что признаемся друг другу: я, Катя, прочие все на службе, что только от первого снаряды просыпаемся, перекрестимся и на другой бок – и во сне лишь слышим «внимание, внимание» и т.п. ...Как все тонко, чутко в духовном мире!

Февраль 1943

Записываю то, что сразу осенило меня каким-то новым светом.

...Приходя в себя от голода, холода, потерь, смертей и войны, – я проснулась как от кошмарного сна и *проснулась другая*.

...Я заснула в своем страшном ослаблении и озверении чувств полумирским, легкомысленным человеком, а *проснулась не таковым, а каким-то иным человеком*.

...Укоров памяти так много, что их не переберешь. А вот надо отметить то, что все эти люди, почти все, которые умерли, они до самой смерти, до последнего вздоха своего поднимали и подняли знамя духа над плотью.

Хоронили своих близких, чего бы им это ни стоило,

на свои карточки, пробирались через пространство, чтоб их накормить, хоронили даже просто знакомых, дав им у себя приют в предсмертных болезнях ...боролись, отдавали свои куски, поднимали дух упавших.

...Зимой 1942 г., еще до смерти Тани, я выносила ведро на помойку. И еще одна пришла с ведром. Кто она была? Какая-то квартирантка, не знаю, и она, не помню уж на какие мои слова или просто так, сказала: *«Мы не люди теперь, мы не понимаем, кого мы теряем, кого мы хороним и как хороним, а вот когда проснемся, горе с нами будет, как тяжело будет наше пробуждение, как мы ужасно будем плакать об утерянных днях, о наших преступлениях и об этих людях»...*

...Вот потекли слезы, и как будто облегчили, и опять... Они явились в жизнь согласно со вновь найденной способностью воспоминания...

Я родилась для новых осознаний, и я заливаюсь слезами... Но это уж не покойников оплакиваю. О себе самой льются горячие, обильные слезы.

...Весь ужас моего положения в том, что я от того микроскопического мирка и крошечных скорбей личной жизни вдруг как-то отошла, взглянула вверх, на небо – а затем внутрь себя и во время этого процесса я увидела разницу. ...*Я стала другая сразу, катастрофически как-то, внезапно, - и не в том другая, что лучшая или более благодарная, а в том, что я ужасна, что я погибаю от грехов... и что все-таки надо жить...*

Июнь 1943

Благодарю Тебя, Христе, Бог и Покровитель мой, – за одиночество пустой квартиры. Благодарю Тебя за все, как за благо, как за чудо, как за счастье... Благодарю Тебя за то, что Ты взял «их» из среды живых, от этого тлетворного и развращенного мира ...*в Небесный Иерусалим...*

...В январе 1942 г. больная Ксения попросила меня утром ...вызвать врача к ней и к квартирным умирающим. Я была единственная на ногах... Слабость моя – потрясающая. Слабость лежачего голодного больного. Сердце как будто уж и не бьется, а только иногда кувыркается в груди оторванным каким-то предметом. Во рту тяжелая сухость... Я молилась св. Николаю, чтоб мне не умереть по дороге, а уж лучше в поликлинике. Качающаяся сетка черных мушек заволакивала зрение, деревяшки-палки ноги никак не поднимались с земли, а шаркала по ней. Вижу – сугроб в предраассветной тьме и какие-то торчат палки, а впереди едет лошадь, а за лошадью – санки со спеленутым покойником. Я хотела загодя отойти в сторону от лошади, подалась влево и наступила ногой на что-то, что хрустнуло, моя нога – в каких-то отломках? Разглядев, я увидела, что моя нога наступила на грудную клетку замерзшего и лежавшего здесь, очевидно очень давно подростка или маленького ростом. Моя нога была в валенке. Это так хрустнули его косточки... Их лежало подряд двое с оскаленными синими лицами, их уже давно раздели донага, и они походили на ошипанных кур по синеве рук, по перепончатым жилам, синие веки до половины закрывали тусклые глаза.

С этих ли пор я поняла смерть и что она значит? Ее бесславие? Ее «неимение вида»? Или позднее (в феврале или в марте, 1-го числа), когда мою сестру и друга Ксению чужие люди потащили по лестнице и по знакомой улице спеленутым предметом в неизвестность, а я стояла с ведром на дворе и не понимала – что же это?? Это – она, а это – я? И я не иду ее провожать? Почему? А зачем провожать, раз – бросить? Проводить – значит – узнать могилу, чтить ее, навещать ее. А тут – надо бросить, т.к. она идет как падаль, как отброс...

Не понимаю – когда... Когда это случилось? Но факт тот, что благодаря годам 1941–1942 я проснулась для живой веры и живой любви и осознания Жизни Бессмертной, Вечной, Непреходящей...

Когда я представляю себе ту первую блокадную зиму, я вижу город, как бы парящий над землей в метельном февральском облаке. «Граде Небесный...» – обращаюсь я к нему. А больше слов нет. Потому что не придуманы слова, которыми можно говорить *об этом*. Разве что словами из дневников тех, кто навсегда живет теперь в Небесном граде Иерусалиме, где *отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло*.

Прошло для них. Не для нас.

**Материал подготовила
Наталья СОКОЛОВСКАЯ**

В публикации использованы цитаты из книги «Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской» (СПб., 2014), а также из книги «Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда».

Полностью текст напечатан в журнале «Звезда» (№2, 2014)

ტიციან და ნიტა ტაბიძეების საღამო და გამოფენა
 Вечер и выставка Тициан и Ниты Табидзе

22 დეკემბერი, 17.00
 გიორგი ჭანტურია, 8

22 декабря, 17.00
 Георгий Чантурия, 8

ლაშა თაბუკაშვილი
 მარიამ ფილინა
 ჯანსუღ ჩარკვიანი
 ნატალია სოკოლოვსკაია
 კოტე ყუბანეიშვილი
 ირინა ერისანოვა
 ელენა პასტერნაკი
 ზაზა აბზიანიძე
 ნინო ხოფერია

ნატალია გუტმან
 ირინა კანდინსკაია
 ანნა კანდინსკაია
 მურმან ჯინორია
 ზაალ ჩიქობავა
 ეთერ კაკულია
 სოფო გელოვანი

ლაშა Табукашвили
 Мария Филина
 Джансуг Чарквиани
 Наталия Соколовская
 Котэ Кубанеишвили
 Ирина Ерисанова
 Елена Пастернак
 Заза Абзианидзе
 Нино Хоперия

Наталья Гутман
 Ирина Кандинская
 Анна Кандинская
 Мурман Джинориа
 Заал Чикобава
 Етер Какулиа
 Софо Гелова

КАЖДЫЙ ИЗ НАС «РИСУЕТ БОГА»

▲ На вечере в Литературном музее им. Г.Леонидзе

Прозаик, поэт, переводчик Наталия, Наташа Соколовская – плоть от плоти Тбилиси. В то же время она – совершенно питерская рафинированная интеллигентка с утонченным вкусом и одновременно открытый, сердечный человек, распахнутый навстречу всем впечатлениям жизни. Каждая встреча с ней – это соприкосновение с чем-то настоящим, подлинным. Я это ощутила и во время нашей беседы в зимнем парке недалеко от театра имени А.С. Грибоедова, и в ночном кафе после скрипичного концерта, и в Литературном музее имени Г.Леонидзе, где тбилисцы вместе с гостями из Санкт-Петербурга вспоминали Ниту Табидзе – дочь великого Тициана.

- Наташа, расскажи, пожалуйста, как стал возможен этот удивительный вечер в Литературном музее имени Г.Леонидзе?

- Когда-то мы с Ириной Кандинской, замечательной пианисткой, профессором Московской консерватории и другом Ниты Табидзе, решили – надо провести вечер

памяти Ниты. Потому что эта поразительная женщина в судьбе каждой из нас принимала очень большое участие. Но, главное, потому что Нита Табидзе – знаковая фигура для русской и грузинской культуры, в первую очередь, для ее литературной составляющей. И вот настал момент, когда идея смогла реализоваться. К нам присоединилась гениальная виолончелистка Наталья Гутман. Она сказала: «Я тоже знала Ниту и тоже полечу!» Потом присоединилась еще и дочь Ирины Кандинской – Анна, замечательная скрипачка, живущая в Вене. Она фактически выросла на глазах у Ниты. Главное в этой истории то, что идея вечера родилась не в Тбилиси. И это говорит о том, что значит грузинская культура, грузинская литература для российской интеллигенции, что значит для нее имя Тициана, имя Ниты Табидзе... Важно, что все это продолжает работать. Этот часовой механизм до сих пор отсчитывает время, эти колесики крутятся, и это еще будет и будет продолжаться.

- А при каких обстоятельствах колесики могут все-таки остановиться?

- Только если все умрут, причем одновременно. Или если у всех вдруг отшибет память вместе с совестью и чувствами. Только это может стать причиной остановки часового механизма, а больше никакой причины быть не может. Причем все должны вымереть кланами, потому что есть дети, у которых этот механизм рано или поздно начнет работать – я вижу по своему сыну, как проступают эти гены грузинские. У всех есть семьи, дети, внуки – например, внуки Бориса Леонидовича Пастернака, есть и правнуки... И все это очень трудно обрубить. Как мы видим, никакие политические катаклизмы не способны были на это. Но, конечно, они необычайно осложняют жизнь людей.

- Наташа, с Нитой Табидзе тебя связывали особые отношения. Расскажи, пожалуйста, об этом.

- Мне несказанно повезло – однажды меня привели в этот дом. А потом я стала сама приходиться туда и в итоге в этом доме задержалась: несколько лет жила у Ниты. Нита моя крестная, дочка, Ниночка, можно сказать, росла на моих глазах, окончила школу, поступила в институт, вышла замуж... В Тбилиси я не в гостях. Я выхожу, и мои ноги сами знают, куда идти. Как местные, я на автопилоте. Другое дело, что я не всегда хочу быть на автопилоте, поэтому все время останавливаюсь, смотрю по сторонам, люблюсь. Если бы я могла вдохнуть весь этот город, его ауру, и не выдыхать, - это был бы самый оптимальный вариант: всегда носить город с собой. А нынешний приезд для меня оказался необычным. Но не только потому, что мы провели вечер памяти Ниты Табидзе, и что был полный зал, и я увидела людей, которых не видела тридцать лет и больше. Это, конечно, особое переживание. Но дело не только в нем. После того, как я с ребенком уехала отсюда зимой 1992 года, то приезжала в Тбилиси только весной или летом. И никогда зимой... Прошло двадцать два года после моего отъезда, и я впервые оказалась здесь зимой. И вот думаю: «Что такое? Какие-то беспокойные ощущения!» Свет, воздух, деревья, игра светотени... И вдруг я поняла, что эти зимние дни – те самые, когда происходили страшные события тбилисской войны, когда в городе шли бои, а мой двухлетний сын различал, как стреляют пистолет и автомат. Видимо, меня на этом заклинило. Отсюда состояние тревоги, горечи в эту поездку... Человек смотрит на время горизонтально, оно для него движется как кинолента. Но Бог смотрит на мир вертикально и видит всю толщу времени одновременно. Это очень правильный взгляд – сквозь толщу, когда видишь все одновременно! Вот так получилось, что я это почувствовала.

- Из этих твоих ощущений обычно и рождаются стихи и проза?

- Стихи, к сожалению, давно не рождаются, а проза – да. Время во всех моих текстах, так или иначе, присутствует. Вообще Господь придумал человека,

▲ Нина Андриадзе и Наталия Соколовская

наверное, именно для того, чтобы создать эту категорию времени. Потому что без человека она не нужна. Это человеку важно отмерять. Богу хватило бы только пространства и вечности, а человеку нужно в такой-то час встать, в такой – попасть туда-то. Пространство мы фактически отмеряем временем. Я это как-то остро чувствую, что, наверное, отражается в моих текстах.

- Почему сегодня не пишешь стихи, которым ты посвятила не один год своего раннего творчества?

- Ну, если, опять же, оперировать человеческим понятием времени, то это произошло после смерти мужа и после тбилисских событий начала 90-х. Но хорошо, что стала получаться проза. Это, конечно, тоже большое счастье.

- В недавнем интервью актер и режиссер Сергей Юрский с горечью констатировал, что интеллигенции больше нет. По мнению же писателя Андрея Битова, интеллигенция – понятие туманное... Что ты думаешь об этом?

- То, что туманное, наверное, правильно. Но... смотри, переполненный Литературный музей на вечере памяти Ниты Табидзе. Кто там сидел? Интеллигенция. Вот и ответ, собственно говоря. Другое дело, что интеллигенция сейчас в таком состоянии, когда ее не очень-то и слышно. Говорить она может все, что угодно... Другое дело, хотят ли ее слушать. Да и, в общем-то, как и все слои общества, представители интеллигенции тоже иногда говорят глупости. Я о другом хочу сказать: о правах граждан на свободу слова написано в конституции. Но для меня гораздо важнее другой постулат – не свобода слова, а свобода слуха, свобода слышать. Мне кажется, что в нашем обществе это гораздо более важный аспект. Человек должен уметь слышать и, главное, хотеть слышать. А уж что слышать – это должно подсказать какое-то внутреннее чутье. Понять, что нужно реально слышать в какофонии звуков, издаваемых нашим обществом.

- Мне кажется, Сергей Юрский имел в виду, что утрачены смыслы, ориентиры, что в среде интеллигенции существует растерянность и ступор.

- Инна, какие ориентиры у нас с тобой утрачены? Растерянность перед хаосом этой жизни была и будет

▲ Заал Чикобава, Тея Твалавадзе,
Лаша Бакрадзе, Гиви Андриадзе

всегда. Растерянность перед невежеством, перед очередным пришествием хама. Да, это тяжело: культурные коды теряются. Получается такая «переключка во мраке»... Я всегда привожу самый простой пример – повесть «Детство» Толстого. И ты понимаешь, о чем я говорю, и что за этим стоит. А вот я скажу об этом еще десяти пройдем на проспекте Руставели... ну не об этом произведении, а, к примеру, о «Мери» Галактиона Табидзе. И они не будут иметь никакого представления ни о том произведении, ни о другом. И то же самое в России. Как с этими людьми нам разговаривать? Вот вопрос. Наверное, мы должны прилагать усилия, чтобы эти культурные коды восстанавливались. Я, например, знаю, что хочу сейчас сделать – хочу, чтобы в России вышло недорогое издание «Вепхисткаосани» с подстрочным переводом, с потрясающей статьей Тамаза Чиладзе и не менее потрясающими комментариями Нестан Сулава, блестящим переводом комментариев Ириной Модебадзе. Все это прекрасные специалисты, настоящие профессионалы. У нас вышло безумно дорогое издание с блистательными иллюстрациями Лоретты Абашидзе-Шенгелия. Но тираж маленький был, а цена большая. Задача в том, чтобы руставелевский шедевр вошел в российский культурный обиход. И чтобы, наконец-то, русскоязычный читатель понял, что это за текст, какие там смыслы содержатся... Это тоже вопрос культурных кодов. И какое время мне думать о растерянности, когда есть это конкретное дело?

- А не будет ли это недорогое издание шедевра существовать как-то само по себе – точнее, не останется ли оно «вещью в себе»?

- Это только от нас зависит. Это же не останется так – вышла книга, и все. Будут презентации, встречи с читателями, прессой. Книга поступит в библиотеки. Это войдет в обиход научного сообщества. Вот тебе идея, вот тебе и смысл, собственно говоря. После прошлогодней весенней поездки мы, историк литературы Наталья Громова, директор музея Бориса Пастернака Ирина Ерисанова и я, уже запланировали конференции в России и в Грузии. Должны состояться встречи в 2015 году – отметим двойную дату: 120 лет со дня рождения Бориса Леонидовича и 125 лет со дня рождения Тициана. В 2014 году запланированы конференции в дни их ухода – смерти Пастернака и гибели Тициана, а в 2015-м – в дни рождения. Это будет, если угодно, «второе рождение» - может быть, так эта конференция и будет называться. Так что смысл – это работа. Работа – это смысл.

- Это замечательный посыл – дело. А вот в популяр-

ном сегодня романе «Географ глобус пропил» Алексея Иванова выведен совершенно другой архетип русско-интеллигента – бездеятельного, пьющего отщепенца.

- Можно свое отношение к миру, к исторической, политической ситуации, в которой ты находишься, по-разному реализовывать. Что касается героя романа Иванова, то он общается с людьми, которые младше его, и дает им все-таки какие-то импульсы, а мы издаем и пишем книги. Это все равно общение с миром и влияние на него. Но каждый это делает по-своему. Конечно, сводить русскую душу к этому архетипу нельзя... Это только одна из ипостасей, которая также имеет право на существование, как и все остальные, вот и все! То, о чем ты говоришь, я уже слышала в России.

- Вечный Обломов, пока мир стоит.

▲С Нитой Табидзе

- Обломов был уже тем хорош, что не делал мерзостей. В наше время это, согласись, огромный плюс. И почти подвиг, скажу я тебе. А книга... Я свои книги воспринимаю как одиночный пикет. Это у нас в России еще пока разрешенная форма протеста. Вот ты выходишь с этой книгой тиражом в 1000-2000-5000-10000 экземпляров, и это существенно. Ее читают, передают из рук в руки... И такая форма общения и, возможно, влияния на окружающее, мне кажется очень важной.

- Хочу привести цитату из отклика Самуила Лурье на твой сборник повестей «Вид с Монблана»: «...Все эти образы лишних людей. Бедных. Глупых. Униженных, но ничуть не оскорбленных. Старых. Отработанное топливо реального социализма. Вечно возобновляемый ресурс вечного застоя. Ну да, литература – в частности русская – знает способы (Радищев искал, Григорович нашел) заставить читателя минуты три жалеть такого персонажа почти как самого себя. У Наталии Соколовской тоже получается. Толку-то что?» Как прокомментируешь?

- Мне дорого это высказывание. Ведь оно принадлежит очень мной уважаемому, блистательному писателю, историку литературы, публицисту. Ты знаешь, три минуты поплакать над судьбой другого человека – это очень существенно. За три минуты может произойти такой генетический сдвиг, который не только на тебя повлияет, но и на будущие поколения. Эти три минуты

Тициан Табидзе. Дружеские шаржи

могут дорогого стоить. Так что за них я Самуилу Лурье очень признательна.

- Как рождался твой роман «Рисовать Бога»?

- Как и вся моя проза, по стихотворному принципу. Из этой нежности и горечи, которые возникают от соприкосновения с миром, с каждым отдельным человеком. В романе «Рисовать Бога» рассказана такая история, маленький анекдот. Я его услышала, а не придумала. В детском саду идут занятия по рисованию, и воспитательница ходит между столиками, наклоняется к ребенку и спрашивает его: «А что ты рисуешь, Машенька?» Девочка отвечает: «Я рисую Бога!» «Как же ты его рисуешь? Его же никто не видел!» - удивляется воспитательница. А девочка говорит: «Теперь увидишь!» Каждый из нас своей жизнью, так или иначе, это делает – рисует Бога. И, может быть, познает свои собственные бездны. Часть действия романа происходит в наше время, другая – в 30-е годы, причем в разных местах – в Польше, во Франции, в Петербурге, в Ленинграде... В 30-е годы моему герою было 9 лет. И произошли такие ужасные события, что мальчик придумал себе: его просто не существует! Такой страх испытало все наше общество и в России, и в Грузии – повсюду на пространстве СССР. И этот страх еще долго сохранялся. Что поразительно, он продолжает существовать и сегодня! Так вот, этот мальчик испытал страх, который заставил его отказаться от себя на всю жизнь. И только в самом конце он как бы принимает все, что с ним произошло, и Господь ему дарует любовь, признательность этому миру. Но то, что происходит и происходило с ним и с другими героями этой книги, - придуманные, сочиненные во многом истории, но это происходило. И поэт, который погиб, и вся эта история любви Тео и Риты, и те отсутствующие стихи, которые этот поэт написал. История их любви мне кажется чистой поэзией. Это история красоты, сломленной миром, но, оказывается, она не была сломлена настолько, чтобы о ней забыли навсегда. И красота вернулась в этот мир. Вот такова основная мысль романа.

- «Рисуя Бога», человек познает себя. А что ты узнала о себе?

- Понимаешь, вот я писала стихи, переводила, но в 90-е годы наступили очень тяжелые времена, и все это кончилось. Я уже говорила об этом. У меня был маленький ребенок, и нужно было просто выживать, работать. А в начале 2000-х я вдруг ахнула: «Да, я много работаю, но где же я прежняя? Та, которая писала, переводила? Где же это цветаевское: «Господи, душа сбылась, умысел твой самый тайный...» И я так испу-

галась, что начала писать прозу. А ведь этого могло не случиться, я могла так и не узнать, что могу это... и так и помереть. Вот за это знание о себе я и благодарна Богу.

- Что было все-таки самым главным для тебя в течение тех десяти лет, что ты прожила в Грузии?

- Во-первых, работа, во-вторых, люди. Та же Нита. В-третьих, рождение сына. В-четвертых, общение с потрясающими грузинскими писателями, переводы из Отара Чиладзе, Тициана Табидзе... Это все то, что делает жизнь человека жизнью человека. И, конечно, друзья, с которыми я встречаюсь спустя годы как с самыми родными людьми.

- Ты – поэт и ты – прозаик. Это разное мироощущение и мировосприятие?

- Для меня не очень разное. Хотя в принципе писание стихов и прозы предполагает разный механизм. Мне обязательно нужен сильный импульс. Мгновение. Для прозы очень важно, чтобы вдохновение равномерно горело на протяжении всего текста. Но механизмы все-таки другие. Мне кажется, прозу писать в каком-то смысле труднее. Хотя в стихах очевиднее результат. Скажем так – быстрее.

- Что ты сейчас читаешь?

- Я сейчас очень мало читаю художественной литературы, зато поглощаю в больших количествах литературу документальную, мемуары. Мне кажется, это сейчас самое нужное. Происходит постоянный выброс исторической информации, сформированной определенным образом в интересах определенных политических кругов с вполне определенными целями: идет формирование общества, которым удобно манипулировать. А документальная литература, документы и свидетельства – не дают соврать. Вот такая литература мне сейчас в основном и интересна.

- Что вызывает у тебя наибольший пессимизм в современном состоянии культуры, общества?

- Это хороший вопрос. Состояние культуры, мне кажется, такое, как всегда: кто-то создает значимые спектакли, пишет хорошие книги. Это не зависит от цензуры. И в советские, глубоко подцензурные времена создавались великие фильмы, спектакли, стихи и проза, повлиявшие на общество. Парадокс в том, что в нынешнем обществе практически нет запроса ни на что подобное. Мне кажется, в этом особая трагичность нашего времени.

Инна БЕЗИРГАНОВА

НИТОЧКА, ИГОЛОЧКА, ПЕТЕЛЬКА, УЗЕЛОК И ЯНТАРНАЯ КАПЛЯ

▲ Анна Бердичевская

Солнечной осенью, в октябре 1985 года мы зашли к Ните Табидзе с Эдиком Элигулашвили и Отаром Чиладзе. Разговор шел в основном по-грузински, все трое смеялись... Я, почти не понимая о чем речь, засмотрелась и заслушалась. Столько любви, столько глубокой нежности было и в лицах, и в теплом солнце, легко проникавшем сквозь чистые стекла окон, и в прохладном ветре, шуршащем листьями акаций за открытой на балкон дверью.

Как капля янтаря. Именно так, вне слов, цельным чувством, как янтарный камушек со дна моря, что лежит в ладони – живет во мне дом поэта Тициан Табидзе, а в нем приветливая хозяйка, дочь поэта. От времени здесь уже ничего не зависит.

В этот дом так легко и так важно было зайти, в любое время года и практически в любой час – ранним утром, поздним вечером, в полдень. Зайти с Сережей Гандлевским, с Ильей Дадашидзе, с Наташей Соколовской. Или случайно встретиться с Яном Гольцманом.

Какие светлые лица, какие родные голоса. Как в тот, возможно, первый раз, золотым октябрем 85-го.

Эдик Элигулашвили, многолетний тбилисский собкор «Литературки», был легкомыслен и смешлив, поглядывал на окружающих сквозь толстые стекла очков с пониманием и озорством. Отар Чиладзе, напротив, улыбался не часто, тайна и благородство озаряли, как сказали бы старинном романе, его мужественное лицо с глазами стали. Действительно, озаряли. Хотя, может быть, только короткая стрижка Отара уже тогда была серебристого цвета стали, а глаза светло-карими и беззащитными?.. Но страшновато было пристально вглядываться в эти глаза. И как Наташе Соколовской, лучшей переводчице его стихов на русский, это удавалось? (или не удавалось все-таки? Надо будет у Наташи спросить. Еще можно. Мы изредка переглядываемся из Петербурга в Москву и обратно...)

Вижу, как сейчас, Нита Табидзе, стоит, слушает Эдика и Отара, вот смеется, отвечает на шутку шуткой... Отар хохочет, как мальчик, она кладет руку ему на плечо и прислоняется на секунду лбом... Нита была чуть выше плеча Отара. Или не выше? Вся она передо мной, ужасно милая, спокойная, уютная. Знающая. С лицом умной, много чего пережившей, крестьянки. Она была

глава рода. И все всегда это понимали. Род особенный. В него входили не только прямые предки, дети, внуки и правнуки Тициана Табидзе. Не только голубороговцы. Входили все, кто был другом Тициана, и те, кто мог бы стать его другом, родись пораньше. Она все помнила, все хранила и, в то же время, все, что помнила и хранила, легко, естественнейшим образом, без всяких амбиций – отдавала. Как бабушка внукам, как мать детям, как сестра. Она была частью той драгоценной, поколеньями вырабатываемой ткани, имя которой лучше и не пытаться назвать. Может, на грузинском и есть подходящее слово, на русском – не нахожу. Не только культура и не просто язык... но историческая память – тоже. Еще и слух на поэзию, как и слух на правду вообще. Слова не нахожу. Но есть такая ткань, на ней-то все и держится все по-настоящему дорогое людям...

Нет, все-таки вспомнила! Эта пертовкань у нас замечательно называется – ОСНОВА.

Ниточка – как славно ее все звали, и между собой, а многие и напрямую. Бывало, что не видимся долго, но вот общие знакомые в разговоре произнесли – Ниточка Табидзе – и тепло разливается по сердцу. Ниточки уже и на свете нет, а тепло – осталось.

И так у множества людей происходит, сосчитать нас всех невозможно. Вот и подумай, кто же она была...

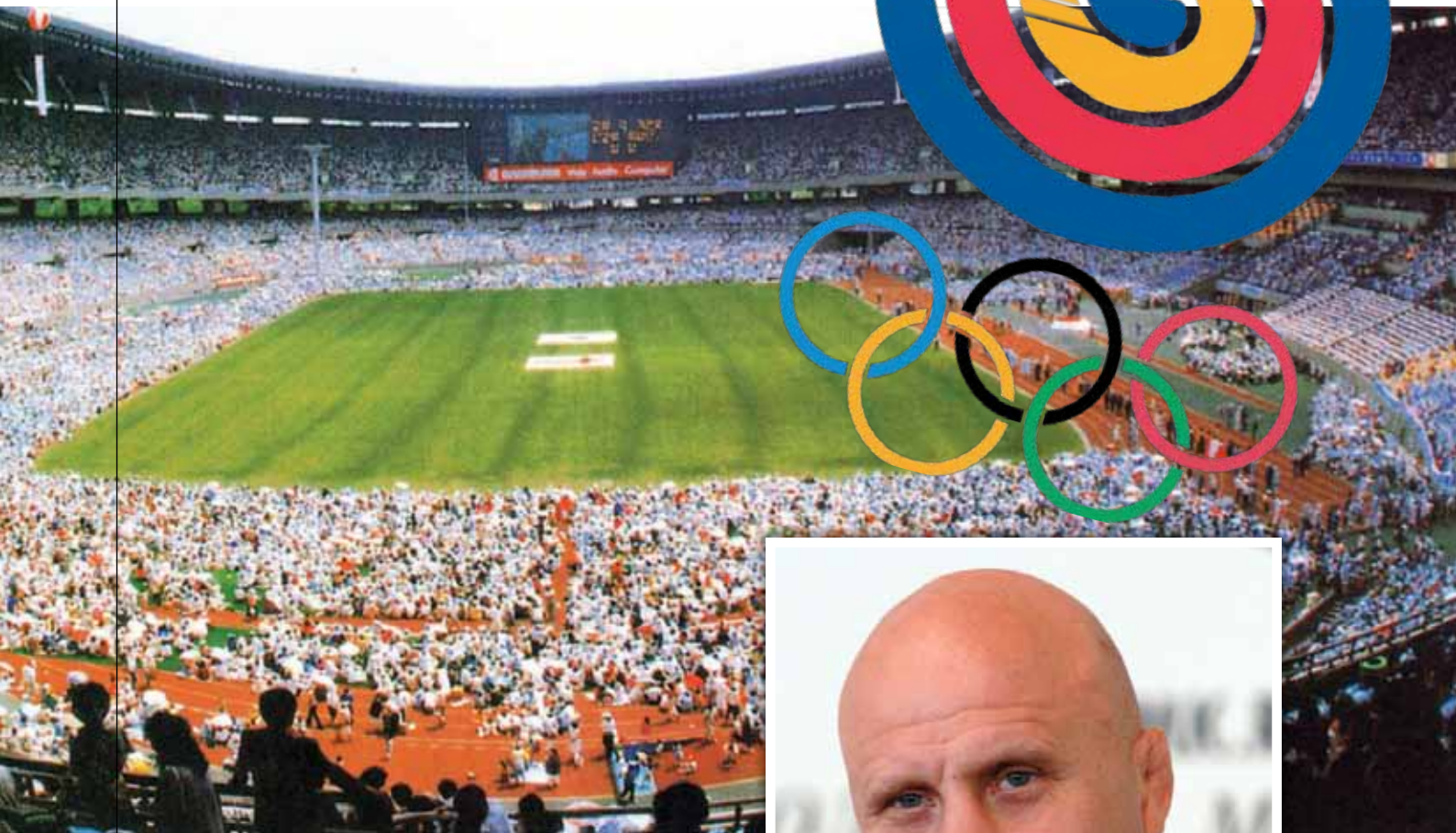
Прекрасная в Тбилиси традиция – домашние музеи. В холодной России она почти не прижилась. Даже когда у нас пытаются создать нечто подобное, то получается, что либо начинание гибнет без поддержки, либо, напротив, выхолащивается от чрезмерного внимания то государственных, то коммерческих структур.

Ниточка подарила мне и моим русским друзьям (о грузинских и не говорю) не музей Тициана Табидзе, а его дом с живым его дыханием. И как бы ни трагична была судьба поэта – итог его жизни ею не подведен. Ниточка, иголочка, петелька, узелок. Янтарная бусина, вшитая в ткань...

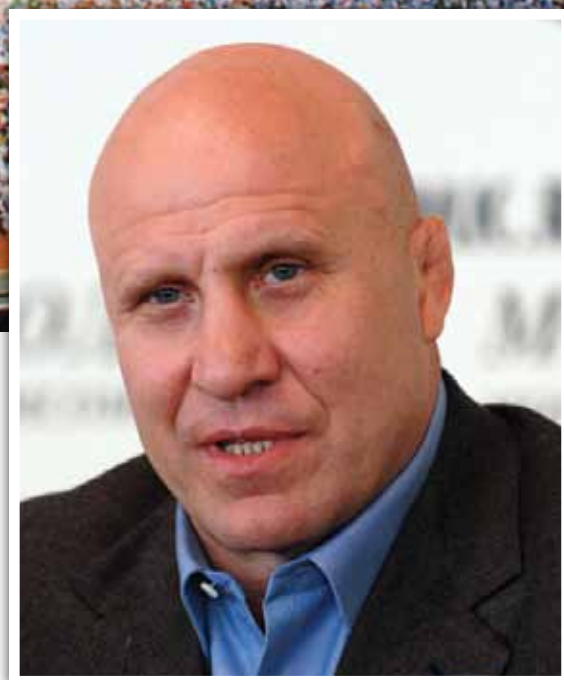
Дай Бог, чтоб не оборвалась нить, связь всего, для чего стоит жить. Нет ничего прочнее нити ОСНОВЫ. Но если она все-таки оборвется – мир расплывется и прекратится.

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

▲ Михаил Мамиа­швили

Миша Мамиа­швили, никем незамечаемый и непри­ветствуемый, как простой инженер в эстрадной мини­атюре Аркадия Райкина, шел-шагал по Москве и авто­графов у него никто не просил.

Мише пока только шестнадцать лет. Он кандидат в мастера по классической борьбе, живет в общежитии, овладевает рабочей профессией. Далеко, в украинском городе Конотопе Сумской области его ждут роди­тели – Герази Арчилович и Вера Григорьевна, и братья Юрий и Виктор, верят в его счастливую спортивную звезду, волю неистово выкладываться на занятиях и соревнованиях.

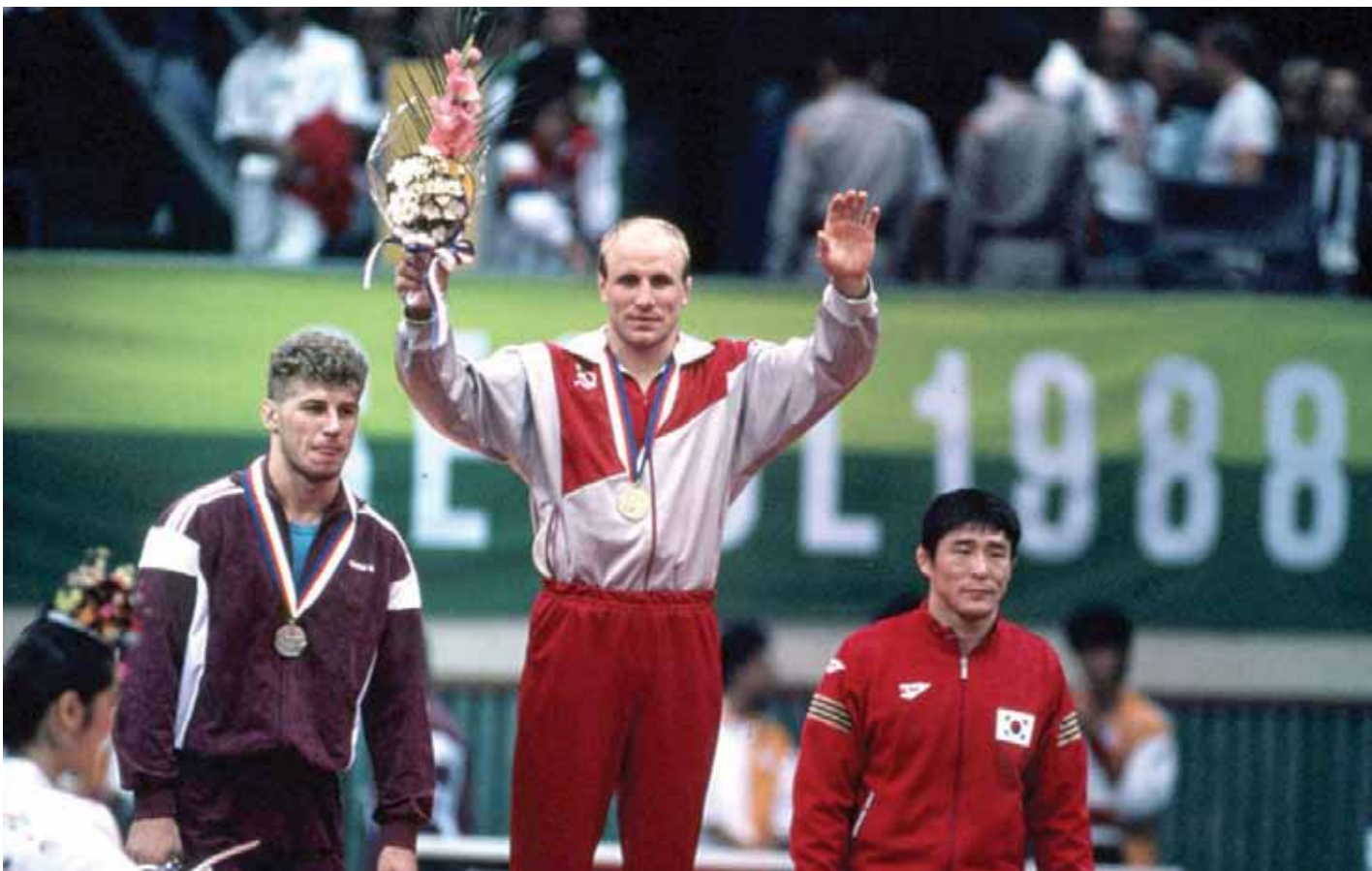
Все начиналось тремя годами раньше, в неболь­шой комнате с низким потолком, которую и спортзалом назовешь с большой долей натяжки, в группе Анатолия Ефремова, первого тренера будущего олимпийского чемпиона. Мише после года занятия борьбой пришел первый успех, и от этого не менее памятный. Он – чем­пион Сумской области среди юношей, а потом и побе­дитель республиканской спартакиады спортобщества «Трудовые резервы». Вроде есть чем гордиться, хотя это самая малость в сравнении с дождем золотых ме­

далей, который скоро обрушился на него.

Помог случай. Анатолию Семеновичу попалось на глаза газетное объявление: московское ПТУ примет ребят, занимающихся борьбой. И он спешит порадо­вать лучшего ученика, кому в начале 2012 года при­своят звание почетного гражданина Конотопа.

Принимая награду, Михаил Мамиа­швили подчер­кнул: «Для меня это огромная честь и ответственность. Я считаю, что это лишь аванс, и мы сделаем все, чтобы наш город был еще краше, жилось в нем еще радост­нее. Чтобы на этой земле росли великие сыны, великие украинцы, которые прославляли те традиции, которые столетиями здесь заложены, прославляли Украину на чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх. Спа­сибо моему первому тренеру Анатолию Семеновичу Ефремову, моим друзьям, которые живут в этом горо­де».

Итак, выбор сделан. 16-летний Миша оставляет Ко­нотоп и едет в Москву. Как семья оказалась в Украине – разговор особый. И начать его следует с Казахстана, где русоголовый парень из Хашури Герази Мамиа­швили проходил действительную армейскую службу и

▲ Олимпийский чемпион!

встретил свою судьбу украинку Веру Кривун, приехавшую из Конотопа по комсомольской путевке на целину. Любовь преодолевает любые преграды и расстояния, и вскоре молодая семья оказывается в доме Веры, где ее муж, механизатор широкого профиля и мастер на все руки, пришелся ко двору, стал всеобщим любимцем и охотно отзывается на имя Гриша.

В Хашури Герази, наделенный природой недюжинной силой, успешно занимался чигадой, так что у братьев Мамиашвили грузинская национальная борьба в генах, отец, по сути, стал их первым тренером.

Отметим большие успехи на борцовском ковре и Виктора Мамиашвили, призера Спартакиады народов СССР и всесоюзных чемпионатов, заслуженного тренера СССР и России, президента Федерации борьбы Москвы.

В 17 лет Миша – мастер спорта. Тренируется в борцовском центре олимпийской подготовки спортобщества «Трудовые резервы», у Николая Есина, трижды в день по шесть дней в неделю по жесткому графику; как вспоминал, уставал так, что сердобольные старушки в метро уступали ему место. За терпение и труд был вознагражден сполна – в 1982-1983 гг. выиграны Всесоюзные игры молодежи, чемпионат мира среди юниоров и даже чемпионат мира в Киеве, где Михаила, самого молодого участника, признали самым техничным борцом.

Но до этого надо пройти серьезное испытание, престижный турнир – Мемориал Николы Петрова в Болгарии. Он учинил соперникам разгром – обыграл со счетом 12:0. В финале схватка с румыном Стефаном Русу, чемпионом Московской олимпиады, чемпионом мира 1978 и 1982 гг. Первый период за Михаилом – 3:0. Во втором – румыну трехбалльным приемом удается сравнять счет. Ничья делает его победителем турнира.

▲ А.Мазур, М.Мамиашвили и А.Карелин на открытии памятника И.Поддубному в Ейске

Михаилу на все про все остаются две секунды, но он успевает провести прием и заработать победные два очка.

После этой громкой победы борцовские акции Михаила резко подскочили – его ввели в сборную страны, он многократно избирается ее капитаном.

Личное досье Михаила Геразиевича Мамиашвили внушает уважение: олимпийский чемпион 1988 г., 3-кратный чемпион мира (1983, 1985, 1986), 3-кратный чемпион Европы (1986, 1988, 1989), 4-кратный чемпион СССР (1983, 1984, 1987, 1988), обладатель двух

▲ Олимпийские чемпионы Ахмет Айик (Турция), Михаил Мамиашвили, Роман Руруа и Леван Тедиашвили

▲ Президент ФИЛА Милан Эрцеган вручает кубок за командную победу российских борцов на чемпионате мира-94 главному тренеру страны М.Мамиашвили

Золотых поясов Международной федерации любительской борьбы (ФИЛА) в 1986 и 1988 гг. как лучший борец мира, победитель Суперкубка в Токио (1985).

Политические бойкоты Олимпиад в Москве (1980) и Лос-Анджелесе (1984) дорого обошлись целому ряду выдающихся спортсменов мира. Что касается Михаила Мамиашвили, он оставался лидером во втором полусреднем весе, на пике спортивной формы и мог

уверенно победить в 1984 году, где среди призеров олимпийского турнира мы видим немало «знакомых лиц», которых он до этого и после вынуждал сложить оружие.

Настало время самой великой победы заслуженного мастера спорта (1988), заслуженного тренера СССР и России (1992) Михаила Мамиашвили. Несмотря на политические игры в верхах, золотую медаль олимпийского чемпиона никто у него не в силах был отнять. Но прежде чем принять в Сеуле эту драгоценную награду, самому ему и главному тренеру сборной Геннадию Сапунову пришлось идти на эксперимент, требовавший большой смелости и ответственности, риска. Положение того требовало.

На чемпионате СССР-86 по классической борьбе Михаил Мамиашвили проиграл чемпиону мира 1981 года и чемпиону страны-82 москвичу Михаилу Кудрявцеву. Победителем стал алмаатинец Даулет Турлыханов.

Конечно, нельзя было не брать во внимание травму колена Михаила, но Геннадий Сапунов, 2-кратный чемпион мира, стоявший у руля главной команды страны, причину неудачи Мамиашвили видел в другом. С каждым новым соревнованием лидеру в категории 72 килограмма все труднее давалась сгонка веса, а это сжигало силы, нужные для его стремительных атак, темповой борьбы. Геннадий Андреевич идет на сознательный риск, хотя и оправданный впоследствии, решает развести Мамиашвили с Турлыхановым и Кудрявцевым, и тем самым сохранить для команды двух лидеров. Михаил переходит в новую категорию – первый средний вес. Все это, заметьте, происходит в крайне нервной обстановке, когда олимпийский Сеул маячит перед глазами. Много критических стрел полетело тогда в Сапунова, но он оказался прав. До Олимпиады Мамиашвили дважды выиграл чемпионаты СССР в первом среднем весе. Турлыханов – трижды чемпион в 74 кг. В олимпийском 1988 году Мамиашвили успел стать чемпионом Европы в том же первом среднем

весе.

А теперь вспомним главный турнир Михаила Мамиашвили – Сеульскую олимпиаду, где его дождался в финале венгр Тибор Комароми, чемпион мира 1986, 1987 и 1989 гг. в категории до 82 кг, как вспоминал Мамиашвили, сильный как венгерский «Икарус».

До встречи с «Икарусом» Михаилом были повержены Убальдо Родригес (Пуэрто-Рико), итальянец Эрнесто Раццино, будущий чемпион Олимпиады Барселоны в категории 90 кг Майк Булман (Германия), Горан Касум (Югославия), Ким Сонг Гу (Южная Корея).

Мамиашвили в финальной схватке с Комароми обрушил на соперника шквал молниеносных атак и после первого периода вел – 8:0. Во втором – выиграл еще два балла. Уже на последней минуте, по своей инициативе уходя от захвата, нырнул в партер, отдал венгру один балл, а тут и гонг раздался – 10:1.

Михаил Мамиашвили – олимпийский чемпион!

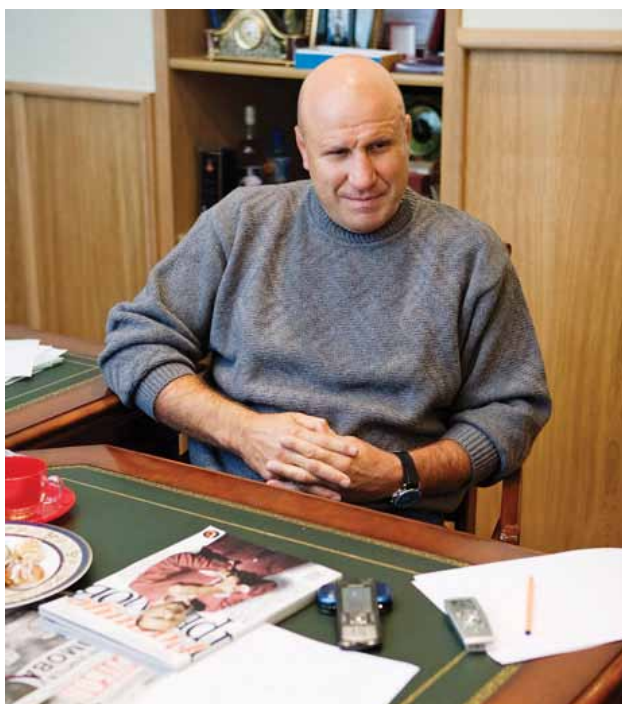
В предолимпийском 1991 году его назначили главным тренером сборной. Подытоживая обсуждение кандидатуры, заместитель председателя Спорткомитета страны, олимпийский чемпион Токио Анатолий Колесов (единственный среди советских борцов-классиков на этой Олимпиаде), сказал: «Сильным и умным борцом был Михаил Мамиашвили. Мастером. Убежден: он и тренером будет таким же».

В Барселоне дружина Мамиашвили – сборная команда Содружества независимых государств – завоевала девять олимпийских медалей в десяти весовых категориях: три золотые, три серебряные, три бронзовые.

10 декабря 1994 года в Москве состоялся Матч века сборной России со сборной мира. ФИЛА его посвятила великим победам российских борцов на международном ковре: 38 золотых медалей на Олимпийских играх, 154 – на чемпионатах мира, 130 – на чемпионатах Европы.

Российская команда, возглавляемая главным тренером Михаилом Мамиашвили и олимпийским чемпионом Мюнхена Шамилем Хисамутдиновым, одержала убедительную победу – 9:1. А соперниками у них

▼ В рабочем кабинете

были сильнейшие борцы планеты. Половину сборной «остального мира» составляли олимпийские чемпионы Сеула, Барселоны, Атланты, в том числе двукратный победитель Олимпийских игр в полутяжелом весе поляк Анджей Вронски. Остальные пять участников команды гостей были «только» серебряными и бронзовыми призерами ОИ, многократными победителями чемпионатов мира.

Можно ли победить такую команду?

Оказалось, что можно. Участников российской сборной также не обошли стороной золотые медали Олимпийских игр и чемпионатов мира.

▲ Все золото мира

В составе хозяев самый титулованный борец на тот период – супертяжеловес Александр Карелин (Новосибирск), 3-кратный олимпийский чемпион, 9-кратный чемпион мира, 11-кратный – Европы.

Победные очки в копилку команды, в порядке весовых категорий, также внесли Зафир Гулиев (Ульяновск), Александр Игнатенко (Омск), Сергей Мартынов (Москва), Ислам Дугучиев (Ростов-на-Дону), Мнацакан Искандарян (Москва), ростовчанин Сергей Насевич, москвич Гоги Когуашвили, Ибрагим Шовхалов (Ростов-на-Дону).

Так была вписана еще одна яркая страница в биографию Михаила Мамиашвили – орденоснца и кандидата педагогических наук (1998), начальника Центрального спортивного клуба армии, президента Федерации спортивной борьбы России, члена исполкома Международной федерации любительской борьбы, вице-президента Национального Олимпийского Комитета России.

Миша Мамиашвили, никем незамечаемый, неузнаваемый, шел по Москве...

Сегодня в это трудно поверить.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом Тициана Табидзе

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

Подойдя к этому дому на склоне горы Мтацминда, осознаешь: а ведь, в его стенах не случайно переплелись судьбы грузинских и русских поэтов прошлого века. Века, выплеснувшего на берега Куры и Невы, Черного моря и Москвы-реки целое созвездие талантов. И впитали эти таланты традиции двух Александров, породивших не только дворянские ветви, но и литературы двух стран – Чавчавадзе и Грибоедова. Именно на перекрещении улиц, носящих их имена, и стоит дом, где жил человек, которого Сергей Есенин назвал «подлинным Авраамом любого пиршества поэтов», - Тициан Табидзе.

В историю литературы он вошел неразрывно от Паоло Яшвили – друга по жизни, единомышленника по символизму, соратника по поэтическому ордену «Голубые роги». По их собственным словам, они стали «как сиаемские близнецы» еще со времен Кутаисской классической мужской гимназии. А еще там с ними учился «рослый худощавый мальчик», который, по их словам, «от многих своих сверстников отличался тем, что прекрасно плавал в Рионе и в случае необходимости не отступал в драке...» Мальчика звали Володя Ма-

яковский, а их самих – Титэ и Павле. Спустя годы, как и следовало истинным символистам, став Тицианом и Паоло, они первыми встречали каждого русского поэта, приезжавшего в Тифлис. Точь-в-точь, как некогда Александр Чавчавадзе.

Книги входят в жизнь Табидзе, когда ему всего четыре года, первые стихи он пишет в гимназии, десятилетним – естественно, революционные, в духе времени. В шестом, предпоследнем классе гимназии – первая публикация, в журнале «Стрелы Колхиды», который редактирует и оформляет Яшвили. В 16 лет Табидзе – уже признанный поэт в кругу товарищей, он пишет и стихотворения в прозе, по-юношески возвышенно и романтично. Потом его стихи появляются и в городской газете, такие события отмечаются за столиком... в лимонадном заведении знаменитого по сей день Митрофана Лагидзе. Ну, и, конечно же, увлечение символизмом. Он переводит на грузинский Александра Блока, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Иннокентия Анненского... А потом – прикосновение к этому литературному течению, что называется, «вживую» - в Кутаиси приезжают Сологуб с женой Анастасией Чебо-

▲ Тициан – гимназист

таревской и опекаемый ими, пока еще малоизвестный Игорь Северянин.

На этот поэтический вечер Тициан отправляется с одноклассником, тоже будущим писателем Серго Квдиашвили (воистину, в пестовании литературных дарований Кутаисская гимназия немногим отставала от Царскосельского лицея). В отличие от товарища, Титэ приходит «нелегально» - в наказание за какую-то провинность ему запрещено идти в театр, но он пренебрегает этим: на сцене – Сологуб! Тот выступает после жены и Северянина, взрывы аплодисментов встречает с показным величавым равнодушием, и тут с галерки несется юношеский голос: «Пожалуйста, почитайте «Чертовы качели!». Сологуб уже не играет на публику, он искренне изумлен: «Как? Меня знают здесь?». Он просит юношу спуститься, представиться, но уговоры напрасны. И это легко понять: даже, если бы Табидзе преодолел свою застенчивость, он «засветился» бы перед гимназическим начальством. Правда, по окончании вечера Титэ и Серго дожидаются поэтов у выхода, долго идут за ними, но подойти не решаются. Северянин замечает их и даже спрашивает, где можно попить чаю. Ах, какой повод пригласить всех троих к себе, на съемную квартиру! Однако время позднее, смущенные гимназисты не рискуют и отправляют гостей города на круглосуточный вокзальный буфет.

Но встреч и с символистами, и с представителями других литературных «измов» ему не миновать, когда в 1913-м он становится студентом Московского императорского университета. А точнее (не так уж и легко запомнить) - исторической секции пятого философского отделения филологического факультета. Он в восторге: «Студенчество – это такое время, когда не стесняются романтизма... Время, проведенное в университете, равно всей последующей жизни... Раньше звание студента было столь же почетным, как звание поэта...» Водоворот жизни культурной столицы России увлекает восемнадцатилетнего поэта. Знакомство с Константином Бальмонтом, переводящим поэму Руставели, увлечение поэзией Блока и Анненского, вечера Маяковского, лекции академика Николая Марра (кстати, выпускника все той же Кутаисской гимназии), заседа-

ния Общества свободной эстетики в Художественном кружке...

В ритме такой жизни – не до застенчивости. Тем более, что он периодически посылает в тифлисскую газету сообщения о литературной жизни Москвы. Вот и появляется на визитных карточках надпись золотом: «Титэ Табидзе – сотрудник газеты «Сакартвело», на груди – пестрый галстук, в руках – модная трость. Все это помогает держаться уверенно. Уверенней становятся и стихи, растет мастерство, Поэзия молодого грузина соединяет в себе опыт европейской и русской литератур, приходит известность. Об одном из визитов к Бальмонту – его стих-воспоминание: «Замедлит рука у звонка дверного,/ Тут-храм, где живут моей юности чары./...В портфеле своем я несу Руставели,/ И лоб мой в поту и холодном накрапе./ ...Внимательно слушает Балтрушайтис,/ Волошин склонил свою львиную гриву/». В 1915-м он уже признанный поэт, один из создателей в Грузии символистской группировки «Голубые роги», как ее лидер он пишет соответствующий манифест. Это уже, как говорится, голос не мальчика, но мужа.

Зима 1917-го – последняя и в его московской жизни, и в истории Российской империи. В письме Валериану Гаприндашвили из кафе Филиппова он не только интересуется «Голубыми рогами», выступлением своего кузена Галактиона Табидзе и другими новостями поэтической жизни Тифлиса. Он демонстрирует отличное знание деталей того, чем живет литературная Москва: «Памятник Пушкину стоит, как Командор. Так сравнил один московский футурист Королевич, который написал интересную книгу «Студенты столицы»... Макс Волошин выставил картинами «Венок сонетов»... Интересен портрет Альтмана «Анна Ахматова». Скоро выйдет альманах, в котором Валерий Брюсов продолжит пушкинские «Египетские ночи»...Нико Лордкипанидзе скоро пришлю книгу А.Белого «Серебряный голубь», Ашукин выпускает ее на днях, старого издания уже нет...» При этом на родину его влечет неудержимо: «А у вас, видно, есть еще грузинское солнце, и в кутежах вы благословляете поэзию... Пришли хотя бы письмо обмокнутое в вине. Умираю, замерзаю, хороню себя под снегом без друзей. Впрягите меня в жизнь поэзии». Ну, прямо стихотворение в прозе! А это уже проза жизни: «Возвращаясь в Грузию, я в поезде прочел петроградскую газету «Новая жизнь», где была напечатана «Революция (Поэто-хроника)» Маяковского». На родину он приезжает уже после Февральской революции. Навсегда связав себя с русскими литераторами и со всеместными выступлениями, и просто дружбой.

Сразу за ним в Тифлисе появляется Бальмонт – с лекциями о том, что «Шота Руставели возвышается Казбеком в цепи средневековых лириков». Они много ходят по городу, уже равными собратьями по цеху. На крутых улочках Тициан и сам узнает немало нового, пишет стихи о Тифлисе и... встречает девушку, которая станет его женой. Точнее, встречает ее Бальмонт. Он заговаривает с ней на улице – какой же поэт удержится от желания познакомиться с темноволосой стройной красавицей, да еще в вечернем полумраке. Тициан, не желая мешать, пошел вперед, а Ниночка Макашвили, увидев рядом с собой знаменитого стихотворца, обомлела и долго не могла понять, что он ей говорит. А когда поняла, что сам Бальмонт предлагает ей почитать стихи «обрадовалась и закивала головой: «Хочу, конечно, пойдите к нам!» Дом ее – совсем рядом, в нем две подружки «еще больше поражены, увидев Бальмонта», который расходится вовсю. А, провоза его, девушки видят ожидающего друга русоволосого, синеглазого молодого человека с гвоздикой в петлице пиджака. Решают, что это Сергей Городецкий, приехавший, как писали газеты, с фронта. Но это был Тициан. Дождавшийся и Бальмонта, и свою судьбу.

В квартире на Грибоевской, 18 и прогремела в 1919-м свадьба поэта Тициана Юстиниановича Табидзе и княжны Нины Александровны Макашвили, чей прадед был братом великого Ильи Чавчавадзе. В доме Ильи маленькая Ниночка видела Важа Пшавела и, повзрослев, признавалась: «Я думаю иногда, что в тот вечер Илья Чавчавадзе и Важа Пшавела благословили меня на то, что потом я всю жизнь прожила с поэтами». Увы, поэты часто бездомны. «Мне было стыдно признаться, что у Тициана нет квартиры. Наутро после свадебного пира мы с друзьями стояли на углу Грибоевской и улицы Чавчавадзе, размышляя, куда пойти», - таково воспоминание новобрачной. Ведь квартира, где сыграли свадьбу, тогда была занята, в ней жил дядя Нины.

О том, что было дальше, Василий Аксенов так пишет в «Московской саге»: «Член группы поэтов «Голубые роги» Тициан Табидзе однажды столкнулся на Головинском проспекте с мэром Тифлиса. «Слушай, Тициан, почему мрачный ты идешь по моему городу с молодой женою?» - спросил мэр. «Негде нам жить, господин мэр, - пожаловался Тициан. - Нечем платить за апартман». Мэр вынул ключ из кармана: «Только что, Тициан, реквизировал я особняк Коммерческого клуба. Там и живи ты с молодой женою, там и работай. Только лишь Грузию не лишай своих стихосложений». Вот был пир и бал в ту же ночь в Коммерческом клубе, съехалась вся богема!» Красивая легенда, близкая к истине. Но на деле все было драматичнее. Сразу после свадебного застолья молодожен Тициан оказывается в... больнице. С воспалением легких. О дальнейшем - слово его жене: «Там, в больнице, мы и провели наш «медовый месяц»... Когда Тициан поправился, Паоло приехал за нами вместе с друзьями. Из больницы мы

ехали на двух извозчиках. Навстречу нам на своей машине ехал городской голова, с которым Тициан был знаком еще по Москве. Он остановил машину и сказал: «Слышал я, что ты женился, да еще на княжне, и не знаешь, куда ее повести. Вот я закрыл купеческий клуб на Эриванской площади, получай ключи и живи там». Воспоминания не сохранили имени этого городского головы, но, порывшись в различных документах я узнал, что «в 1919 г. обязанности мэра были возложены на М.Атабекяна»...

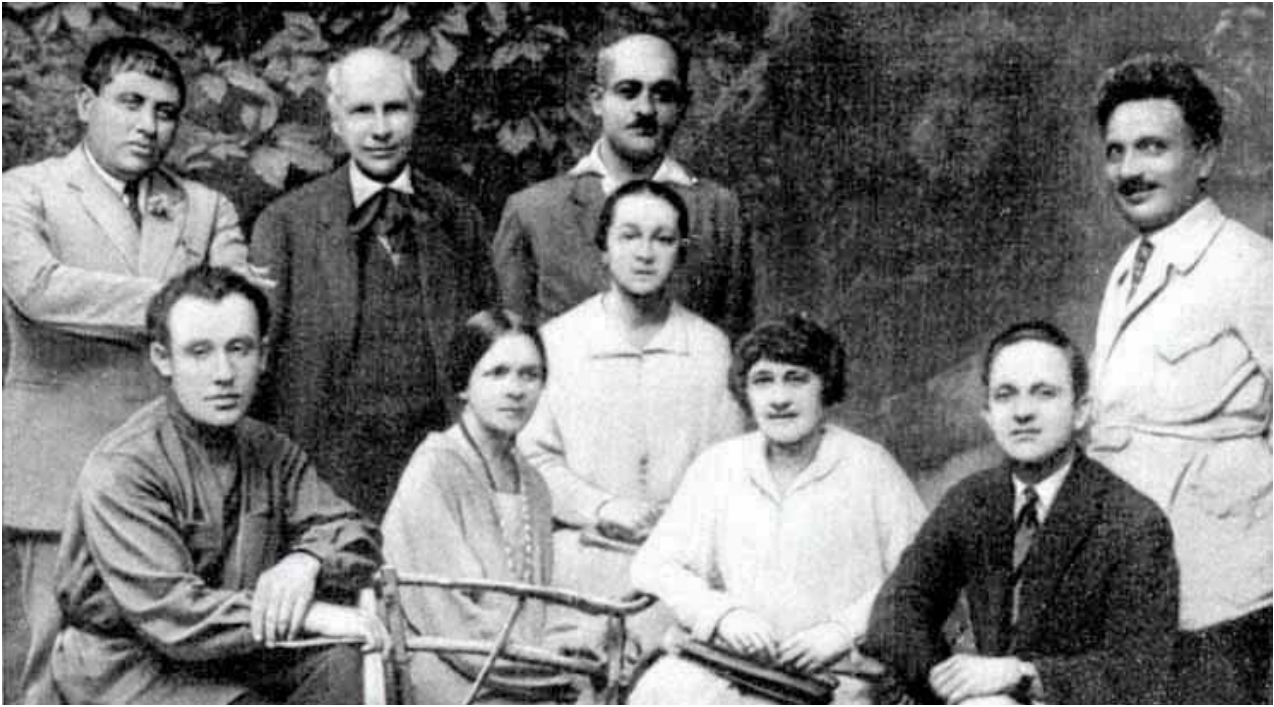
И именно в этой подаренной квартире Нина получает первый наглядный урок, который так пригодится ей, когда их дом станет приютом приезжих русских поэтов. В газете появляется объявление о том, что в бывшем помещении клуба Сергей Городецкий сделает доклад о поэзии. Места много, но в наличии всего четыре стула, да и чем угощать публику, как того требуют традиции - и чисто поэтические, и просто тифлиские? Со стульями разобрались - собрали по соседям, а после доклада остались лишь самые близкие друзья. Конечно, можно гордиться тем, что их так много, но кормить все равно нечем. И тогда поднимается Ованес Туманян, патриарх тифлиских поэтов, боготворимый «голубороговцами». Он выходит, пообещав молодой хозяйке вернуться, и появляется с мушамы, в руках которых - солидные корзины со снедью и бутылками: «Девочка, можешь не волноваться, я все принес!» Вот тогда-то и «был пир и бал в ту же ночь».

Практически одним, растянувшимся на года приемом гостей стала огромная часть последующей жизни семьи Табидзе. Осенью 1920-го Тициан и Паоло берут под покровительство Осипа Манделштама, вызволенного «голубороговцами» из батумского Особого отряда, где его заподозрили в шпионаже и на белых, и на большевиков. Ему организуют «и стол, и дом», и выступления, и условия для работы. А Манделштам приводит к Табидзе и еще и случайно встреченных Илью Эренбурга с женой. Эренбург потрясен приемом и людьми, которые его оказали: «...Повел нас к Тициану Табидзе, который восторженно вскрикивал, обнимал всех, читал стихи, а потом побежал за своим другом Паоло Яшвили... Мы прожили в Тбилиси две недели; они показали мне лирическим отступлением... Все время я был с новыми друзьями, которых сразу полюбил, - с Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе... О том, что они были прекрасными поэтами, можно теперь прочитать в любом справочнике. Мне хочется добавить, что они были настоящими людьми. Я приехал снова в Тбилиси в 1926 году, приехал к Тициану и Паоло. Потом я встречался с ними в Москве: дружба выдержала испытание временем». В тот, второй свой приезд Эренбург приходил уже в квартиру на Грибоевской, которая освободилась летом 1921 года, и в которую переехала семья Тициана, ставшего одним из символов столицы Грузии. Давайте, посмотрим, кто входит сюда и присаживается к большому овальному столу.

В 1924-25 годах это - Сергей Есенин. Именно здесь рождается его прозвище для тифлиских близких друзей - «золотая монетка». Так воскликнула Нита, трехлетняя дочь Тициана, увидев необычный для Грузии цвет волос. Именно сюда Нина приводит Сергея, вытащив его из пивной на «Земмеле», а ее мама, единственная в городе, готовит ему любимые русские блюда - борщ и кашу. Здесь у него комната, из которой он с «голубороговцами» отправляется на литературные вечера и дружеские застолья. Тут его надоумили, как выйти из безденежья - получить гонорар в «Заре Востока», где его «стихи из рук рвут». Именно здесь он проводит время с друзьями Тициана - Валерианом Гаприндашвили, Шалвой Апахидзе, Николозом Мицишвили, Георгием Леонидзе, Сандро Шаншишвили, Серго Клдишвили... И именно отсюда пытается бе-

▼ Нина и Тициан Табидзе

▲ Стоят: Т. Табидзе, А. Белый, П. Яшвили, С. Шаншиашвили, сидят: К. Надирадзе, К. Бугаева, Т. Яшвили, Н. Табидзе, Н. Мицишвили. 1928

жать, наскоро собрав вещи, когда Паоло разыгрывает его, сообщая, что скоро появится неожиданно приехавшая Айседора Дункан. Сюда он приходит в полночь из гостиницы, чтобы впервые прочесть вслух только что написанное стихотворение «Поэтам Грузии». Тут Тициан открывает для него поэзию Важа Пшавела. И именно сюда он приносит первые экземпляры выпущенной издательством «Заря Востока» книги «Страна советская», чтобы подарить хозяевам дома: Нине – с надписью: «Люби меня и голубые роги», ее мужу – с посвящением: «Милому Тициану в знак большой любви и дружбы. Сергей Есенин. Тифлис, фев. 21–25». Причем, надпись Нине сделана ни чем иным, как кровью...

В феврале 1926-го сюда приходит поговорить о литературе Маяковский – перед вторым своим выступлением со сцены Руставелевского театра. И тифлиские друзья отправляются с ним, чтобы поддержать его. А на следующий день после знаменитого пиршества, начавшегося в подвальчике «Симпатия» на Пушкинской и продолжившегося в Орточальских садах, Владимир Владимирович приходит на Грибоедовскую пить чай. В руках его – книга «Солнце в гостях у Маяковского». Редкое издание, выпущенное Давидом Бурлюком в Нью-Йорке, раздается с автографами: «Замечательнейшим друзьям Табидзе. Самому. Вл. Маяковский» и «Самой Макаевой (Табидзихе) Вл. Маяковский». Через одиннадцать лет в поезде Москва-Тбилиси Тициан напишет строки, которые посвящены Маяковскому, и которые можно отнести к нему самому, хотя драчуном он и не был: «Он не остался в долгу перед веком,/ Каждый шагом и каждым жестом/ Дрался за то, чтоб быть человеком,/ Званье поэта пронес над веком». Написано в день рождения Тициана – 2 апреля. Больше ему эту дату не отмечать, за окном – 1937 год.

Но вернемся на угол Чавчавадзе и Грибоедовской, в год 1927, когда здесь появляется Андрей Белый. Он настолько окружен флером мистики и фантастичности, что эта атмосфера проникает в квартиру Табидзе. За знаменитым овальным столом Белый произносит речь, впадая в экстаз: «С веками солнце может погаснуть, оно перестанет светить, но в нас самих оно сохранится, и свет не исчезнет...» И тут весь дом покачивается. Гость не замечает этого: «Солнце исчезнет, в нас

самих будут свет и тепло!», - снова толчок. Все замирает, а Паоло восклицает: «Хватит! Мы хотим жить, перестаньте говорить о солнце, пока все не рухнуло!» И все воспринимают это серьезно. А на следующий день выясняется, что в городе почему-то взрывались пороховые склады.

В застольных беседах у Тициана Андрея Белого поражают «атмосфера народной культуры... достоинство, произвольный во всех проявлениях такт». Он признается: «Не только утонченников поэтической школы, я видел грузин настоящих». И не случайно, он приходит сюда во время не очень удачного приезда в Грузию в 1929-м. Тогда срываются многие планы, а под конец, когда уже куплены билеты в обратный путь, гостя подкашивает болезнь. И целых три недели Белый лежит в доме Табидзе, заверяющего, что для него это – приятное «время мелких хлопотливостей». При этом жена и дочь Тициана находятся на курорте. А его гость признается: «Нам было бы и стыдно и мучительно быть невольной помехой дому, если бы не Тициан, превративший это наше сиденье в радость нового узнавания его как изумительного человека, с которым отныне чувствую себя совсем просто и братски связанным».

А от Оперы к этому «дому, где согреваются сердца», поднимаются все новые и новые гости. И каждый по-своему видит поэта с неизменной гвоздикой в петлице. Юрий Тынянов: «Я понял, как рождается его поэзия... Тициан ходит по Тифлису как ходит человек по своей комнате... У него история не есть книга, поставленная на полку; нет, история в нем и с ним, он ее чувствует и поэтому он так открыт для нас, для русского искусства, для русской поэзии, которую он любит и понимает...» Павел Антокольский: «За круглым столом в доме Тициана на улице Грибоедова мы, москвичи, учились высоким традициям грузинской застольной беседы... Содержательны и выпуклы были его комментарии и к башне Метехи, и к горе святого Давида с гробницей Грибоедова, и к картине гениального самоучки Нико Пиросманашвили, и многому еще, им же найденному, облюбованному, распропагандированному... Он был щедр и пачками швырял эти нераспечатанные в творчестве воспоминания и образы, радуясь тому что может поделиться с новыми людьми своими патриоти-

чекскими ощущениями».

С перекрестка на мтацминдском склоне Табидзе увозит Тынянова по Грибоедовским местам Грузии, Сергея Павленко – по следам Шамиля, Николая Заболоцкого, Николая Тихонова, Бориса Пильняка и украинца Миколу Бажана – на храмовый праздник Алавердоба в Кахетию... После того, как его стихи полюбили читающие на русском языке, он знакомится за пределами Грузии с Анной Ахматовой, Константином Фединым, Алексеем Толстым, Леонидом Леоновым, Егеше Чаренцем, Мартиросом Сарьяном...

И, конечно же, с домом Тициана связано имя Бориса Пастернака. Тот впервые приезжает в Тифлис по приглашению Паоло, и Тициан очень волнуется – та-

можно писать и печататься. К тому же, он живет переводами, необходимы подстрочники – работа со стихами Табидзе удастся блестяще. И Борис Леонидович просит включить его в официальную делегацию Союза писателей СССР, отправившуюся в Грузию. Поездка получается не из самых удачных – он простыл в дороге, утомляю пышные банкеты, огорчает, что «у бригады высокие, государственные цели». Но встречи с Тицианом и Паоло помогают скрасить все это. А в декабре 1937 года Пастернака вызывают в Тбилиси на пленум правления Союза писателей, приуроченный к юбилею Шота Руставели, но он не едет: именно в этот месяц не стало Тициана, семью которого Борис Леонидович будет годами поддерживать и материально, и морально. «Да как же я мог тогда ехать в Грузию, когда там не было Тициана? Я так любил его», - признавался он. А Нине он посылает телеграмму, на которую в то время решились бы немногие: «У меня разбито сердце. Нет Тициана. Как жить?»

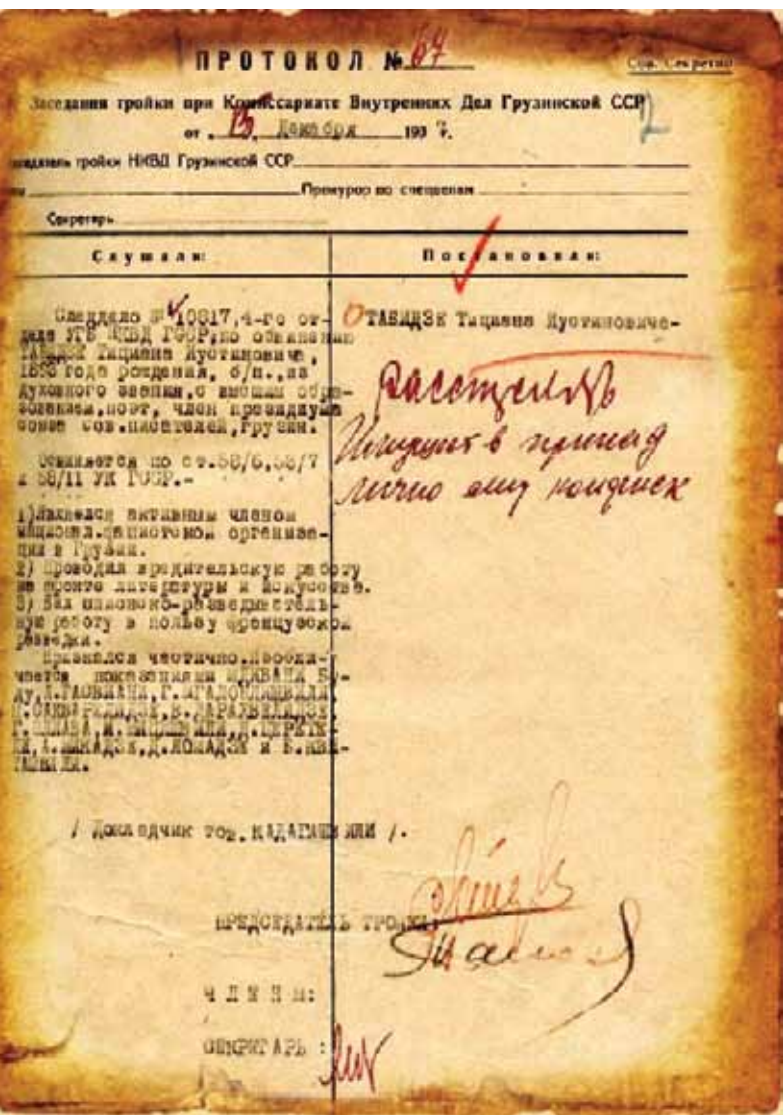
С именем Тициана (еще не реабилитированного!) связан и его приезд в 1945 году, на столетие со дня смерти Николоза Бараташвили. Условием своего участия Пастернак ставит присутствие в зале Нины Табидзе. Она впервые появляется на публике после гибели мужа, и он читает стихи, подчеркнуто обращаясь к ней. А перед отъездом Нина дарит ему великолепную гербовую бумагу, оставшуюся от Тициана. И именно на этих листах появляются первые главы белой рукописи «Доктора Живаго», о котором автор говорил, что это «Нинин роман»: «Прозу я начал ведь писать с Вашей легкой руки, то есть толчком к ней послужила подаренная Вами Тицианова бумага... Вы, Нина, оказали на меня литературное влияние». И одной из первых, поздравивших Пастернака с Нобелевской премией в его доме в октябре 1958 года, была Нина Табидзе.

А потом, в трудный для него февраль 1959-го, он в последний раз приезжает в дом на Грибоедовской: если уж власти вынуждают покинуть Москву, то ехать надо только сюда. Так же искали отдушину в Грузии многие и многие русские литераторы и до и после него. А у Пастернака в Тбилиси – практически родной дом, в котором до сих пор сохранились его вещи. Десять дней, проведенные им здесь, прогулки по Тбилиси с дочерью погибшего друга Нитой дают опальному поэту огромную душевную передышку. Появляется мысль «...приняться за роман вроде «Доктора Живаго». А из окна поезда Пастернак кричит провожающей его Нине: «Ищите меня у себя дома! Я остался там!»

Как много их, теней больших поэтов, осталось в этом доме... Но его стены помнят и другое. Рассказывая о том, как Берия уговаривал его признаться в шпионаже на Америку, вот, что Тициан говорит дочери, оправдывая тех... кто будет его травить: «Как бы меня ни ругали, чтобы ни делали, ты ни на кого не обижайся. Потому что нельзя, чтобы Грузия осталась без поэтов, без критиков. А если они это не будут делать, их ждет такая же судьба». Много ли сегодняшних пиитов, даже в абсолютно иных, не грозящих смертью обстоятельствах так же относиться к своим критикам? Многие ли будут так же руководствоваться принципом: «Лишь бы литература не пострадала», как этот поэт, в расстрельном приговоре которого значится, что он французский шпион, да еще «проводил вредительскую работу на фронте литературы и искусства». И который на углу улиц Чавчавадзе и Грибоедова написал строки, признанные Пастернаком лучшим своим переводом:

«Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут/ Меня, и жизни ход сопровождает их./ Что стих? Обвал снегов. Дохнет – и с места сдышит,/ И заживо схоронит. Вот что стих...»

Владимир ГОЛОВИН

▲ Расстрельный приговор

ков ли он, каким видится в стихах и рассказах о нем? Опасения оказываются напрасными, они «тут же стали навек друзьями», Пастернак навсегда запоминает Табидзе таким: «Он курит, подперев рукою подбородок. Он строг, как барельеф, и чист, как самородок. Он плотен, он шатен, он смертен, и однако – таким, как он, Роден изобразил Бальзака». В тот приезд Пастернака возят в Мцхету, дают возможность отдохнуть в Коджори и Кобулету. «Там реял дух земли, остановившей время, которым мы, вдали, так грезили в богеме», - напишет он в поэме «Из летних записок».

Этот неповторимый «дух земли» приводит его в Грузию и в 1933 году, когда в Москве ему уже невоз-

▲ Тинатин Арчвадзе

ДУ Ю СПИК РАША?

Лишь два-три слова о политике. А в остальном – только о русском языке. О великом и могучем в Грузии. Пожалуй, нет на памяти другого примера такого жесткого отношения к языку, каким было за последнюю четверть века отношение к русскому языку в нескольких республиках на постсоветском пространстве, в том числе, в Грузии. Начиная с 1990 года русскоязычные люди попали во враги, в лучшем случае – в недоброжелатели. Страну покидали лучшие русскоговорящие специалисты во всех областях знаний. Школы и сектора закрывались один за другим. Уровень владения русским языком резко снизился, особенно среди молодежи. И ни для кого не секрет, что в недалеком прошлом в общественных местах Тбилиси не решались разговаривать на русском, то есть язык был просто унижен. И он оказался в особом положении – ему пришлось самому доказывать свою силу, как бы выбирать – выжить или нет, исчезать или вновь стать необходимым.

Русский язык начал этот путь в современной Грузии почти с нуля и победил в естественных условиях – вновь стал востребован. Сейчас без знания русского трудно устроиться на приличное место, сделать карьеру. Ширятся деловые, торговые, культурные связи с Россией, в страну приезжает действительно много туристов из России и бывшего СССР, и на каком языке прикаже-

те с ними общаться? А самое главное, что язык вновь вошел в обиход. Знакомый россиянин-турист был приятно поражен: «Не говорю о Батуми, традиционно интернациональном городе, но и в Тбилиси часто видел местные компании, разговаривавшие между собой по-грузински, потом тут же переходившие на русский, а потом снова на грузинский».

А вот реальные факты отношения к русскому языку грузинской молодежи. Недавно социологическая служба Союза свободных студентов Грузии провела опрос 395 студентов трех государственных университетов Грузии: Тбилисского, Телавского и Сухумского. Респондентам задали вопрос: «В этом году число абитуриентов, выбравших русский язык при поступлении в вуз, выросло на 10 процентов. По вашему мнению, чем это можно объяснить?» 35 процентов ответили, что язык нужен им для дальнейшего профессионального роста. 21 процент считают, что это объясняется «нормализацией отношений с Россией». 13 и 11 процентов соответственно объясняют это «фактором общего вероисповедания» и «общностью исторического и культурного наследия двух народов».

Сегодня о русском языке хочется поговорить серьезно: насколько велик интерес к его изучению, каков его статус, каковы методики преподавания? А эти

▲ Будет ли говорить по-русски новое поколение?

вопросы наилучшим образом отражает картина его изучения в национальной школе. Об этом стоит разговаривать только с профессионалом. Поэтому мы обратились за комментарием к выдающемуся грузинскому педагогу, преподавателю русского языка и литературы, заместителю директора публичной школы №123, президентской стипендиантке 2009 года, кавалеру Ордена Чести Тинатин Арчвадзе.

- Как меняется отношение к преподаванию русского языка в грузинской школе? Какова была ситуация, скажем, год назад и что происходит сейчас?

- Если говорить о фактическом положении вещей, то в этом учебном году изменений не произошло. Государство, видимо, по-прежнему считает, что приоритетным является международный язык общения, то есть английский. Год начался с того, что Министерство образования предложило школам прежний стандарт, по которому мы должны преподавать русский язык. Мы все так же начинаем его изучение с 7-го класса. Конечно, это поздно, и было бы желательно преподавать русский язык с начальных классов, хотя бы с 5-го. И уверяю вас, что если бы школа располагала соответствующими финансовыми возможностями, то пошла бы на это с радостью.

- А почему это желательно, на ваш взгляд?

- Россия – наш сосед. Какие бы времена ни стояли на дворе, географических соседей не выбирают, и с ними надо дружить. А дружба – это, прежде всего, общение. Нашими соседями являются Азербайджан, Армения, Чечня. На каком языке нам с ними говорить? На русском. Все они в большей степени владеют русским, нежели английским. У нас много учащихся, которые занимаются спортом. Они встречаются со своими сверстниками на международных соревнованиях, на сборах. Многие наши ученики отдыхают в международных лагерях, к примеру, в Артеке. Конечно, для полноценного общения им надо знать русский язык.

- Вы меня удивили, сказав, что из Министерства образования не пришло никаких новых рекомендаций, потому что я могу привести вам цитату из выступления нынешнего президента Грузии Георгия Маргвелашвили того периода, когда он это министерство возглавлял. Он заявил, что намерен вернуть русский язык в школьную программу, и признал, что мера по исключению языка из программы была не обоснована и реализована искусственно. Пока что слова остались словами?

- Понимаете, нужно время. Министерство сейчас работает над тем, чтобы со следующего учебного года

существующая программа изменилась, но, к сожалению, пока у нас даже нет учебников начальных классов, их надо создавать заново. Прежние учебники не актуальны – у них нет необходимого статуса.

- А какова ситуация со специалистами?

- Ситуация непростая. Насколько я знаю, как таковых факультетов русского языка и литературы уже не существует. Во всяком случае, в Университете Ильи, с которым мы очень тесно сотрудничаем. И того уровня преподавания русского языка в школе, который был раньше, тоже нет. Сейчас в школьную программу входит изучение скорее обиходного языка, разговорной речи. Классическую литературу так, как раньше, мы не изучаем, и меня это очень волнует. Такая тенденция наблюдается не только у нас. Я знаю, что и в московских школах изучение классики сокращается. Нынешнее поколение вообще плохо знает классику. Не чита-

ют. Новые технологии – это прекрасно. Но они захватывают детей больше, чем художественные книги. А ведь именно общение с книгой может по-настоящему научить многому! Страшно сказать – даже печатать детям сподручнее, нежели писать от руки. Время такое.

- А как вы лично работаете со своими учениками?

- Среди них есть те, кто знаком с языком с детства – либо родители русскоязычные, либо ребенок занимался с репетитором, то есть родители заинтересованы в том, чтобы ребенок знал русский. Кое-кто из учеников начал с нуля. Но все, даже те, кто владеет разговорной речью, испытывают трудности с письмом и чтением. Я задумалась – как начать изучение языка с семиклассниками? Тем более такого сложного, как русский. И придумала метод: я всегда беру за основу принцип сравнения русского и грузинского. То есть сравниваю то, что им хорошо известно, с тем, с чем они незнакомы или мало знакомы. Начиная с азов, с количества букв в алфавите. Это значительно облегчает восприятие. Но нам выделено очень мало академических часов – всего 2 часа в неделю. Кроме того, классы делятся на группы только в том случае, когда учеников в классе более 30-ти. А нужно, чтобы в группах было хотя бы по 10 учеников. В таком случае и работать легче, и изучение идет интенсивнее. Но когда у тебя в классе сидит 25 человек, охватить всех за один урок невозможно.

- *Английский преподается на таких же условиях?*

- Количество часов, выделяемых для изучения английского, побольше. Но деление на группы в классе по количеству учеников – такое же. Тем более, к 7-му классу ученики английским владеют лучше, чем русским. Большинство занимается им с детства. Таков приоритет сегодняшней жизни. Английский более востребован, но я считаю, что вообще круг изучаемых иностранных языков надо расширять. Кстати, в стандарте у нас написано, что в школьную программу можно внести и третий иностранный язык. Нашим соседом является и Турция – почему бы не изучать турецкий? Многих интересуют немецкий, французский языки. Я уверена, что в школьную программу обязательно надо внести третий язык.

- *Каково эмоциональное отношение ваших учеников к русскому языку? Не переходит ли на язык то негативное отношение к России, которое насаждалось на протяжении многих лет?*

- Такого отношения к языку нет. Мне никогда не задавали вопрос – зачем нам изучать этот язык? Они занимаются с большим удовольствием. Я приучаю своих учеников читать русскую классику, подбираю отрывки. Задаю дополнительные задания – допустим, самостоятельно подобрать стихотворение и выучить наизусть. Или хотя бы прочитать вслух. Даже если они не поймут каких-то слов, мне хочется, чтобы они эмоционально выражали то, что читают.

- *Чьи стихи ученики выбирают чаще всего?*

- Есенина.

- *Я думала, вы скажете – Пушкина.*

- Конечно, выбирают и Пушкина. Но чаще – Есенина. Начиная с «Белая береза под моим окном...» Видимо, те эмоции, которые есть в его стихах, им ближе как-то... Кстати, хочу сказать, что в нынешних учебниках даны такие отрывки из классических произведений, которые детям непонятны и не дают никакого представления ни о русских писателях, ни о русской литературе. Ученикам неинтересно. Пусть будущие составители новых учебников возьмут это себе на заметку. Например, у Льва Толстого есть прекрасные детские рассказы, сказки. Мои ученики с удовольствием читают рассказ «Косточка», их забавляет, что герой никогда не ел слив, и в то же время, они постигают поучительный смысл – без разрешения брать нельзя. Вообще, детям надо так преподносить русский язык, чтобы они его полюбили, а не пугались его сложности, правильно расставлять акценты и объяснять, что русский язык, в первую очередь, это язык великой культуры. И никогда ничего не надо навязывать – результата не будет.

- *А какую роль русская культура, литература сыграли в вашей жизни?*

- Это не просто моя профессия, это моя жизнь. У меня мама русская, из Иванова. Папа мой учился там, познакомился с мамой и привез ее в Грузию, где она и прожила всю жизнь. Мама, кстати, выучила грузинский язык, он стал ее вторым родным языком. Ее сестры и братья шутили – совсем, мол, ты огрузинилась. Я окончила русскую школу. Поступила в тогдашний Пушкинский институт. Вернулась в родную школу и преподавала там русский язык и литературу. Все, что я знаю и сейчас передаю моим ученикам, дала мне та школа, в которой я училась. Мои школьные педагоги, ставшие моими коллегами, научили меня любить русскую культуру и свое дело. Был период в моей жизни, когда я работала в Доме культуры. Я так тосковала по школе, что у меня выступали слезы на глазах, если я смотрела

по телевидению передачи про школьных учителей. И я вернулась. Начала работать в 123-й школе, в которой до сих пор преподаю русский язык.

- *Если подводить итоги нашей беседы – вам не кажется, что русский язык сейчас оказался в той ситуации, в какой он должен сам доказать свои настоящие силу и необходимость?*

- Да, пожалуй. Но я уверена, что ему надо немного помочь, потому что без решений на государственном уровне дело с места не сдвинется. Как профессионал, я еще раз подчеркну – в школах необходимо добавить часы для русского языка. Мотивация учить язык у учеников от этого только повысится. Для полноценного изучения русского языка как иностранного необходима 3-4-х часовая недельная нагрузка. Повторю – важно, чтобы в группах было по 8-10 человек. Для развития устной речи обязательны уроки прослушивания. Школе нужен лингафонный кабинет. Тем более что сейчас при сдаче вступительного экзамена по иностранному языку абитуриентам придется сдавать новый раздел – прослушивание и понимание устной речи. А в школе пока необходимой подготовки к этому нет.

- *Может быть, эти строки сейчас читает какой-нибудь меценат и думает – а не подарить ли этой школе, где работают такие преданные своему делу профессионалы, лингафонный кабинет?*

- Это было бы прекрасно. Мы, со своей стороны, стараемся, делаем все возможное. Ощущаем всестороннюю поддержку нашего директора Нино Квиаташвили. Она – выпускница нашей школы и, кстати, прекрасно знает русский язык, которому училась у нашего замечательного педагога Терезы Чихладзе. А что касается будущего... Посмотрим, что получится на примере нынешнего 7-го класса, который только начал изучение языка.

- *Давайте договоримся: встретимся через год, и вы расскажете, что реально изменилось, каковы результаты.*

- С удовольствием. А пока я приглашаю «Русский клуб» посетить наши уроки русского языка и самим посмотреть, как мы работаем, как ребята занимаются.

Нина ШАДУРИ

▲ Копия Четвероевангелия XIV века.
Национальный архив Грузии

▲ Свиток Католикоса Доротеоса.
1589 г. Копия. НАГ

РУКОПИСИ ГЛЯДЯТСЯ В ГРЯДУЩЕЕ

Древние книги для нее – «превыше пирамид и крепче меди». А название ее профессии звучит торжественно, как княжеский титул. Лия Сихарулидзе – художник-реставратор особо ценных рукописных книг. Единственный специалист подобной квалификации в Грузии. За годы своей деятельности она отреставрировала и переплела более 900 старых рукописей, хранящихся в различных организациях и музеях.

В списке книг, прошедших через ее руки, есть уникальные шедевры: ванский Четвероглав – Евангелие, заказанное самой царицей Тамар в Константинополе, «Литургия апостола Якова» XI века, Евангелие XII века, «Иоанн Златоуст», толкование Евангелия от Матфея 978 года, характерный только для Грузии сборник церковных песнопений «Гулани» и другие артефакты, созданные за несколько веков до европейского Ренессанса. Эти книги пережили нашествия врагов, пожары, междоусобицы. В числе ее «подопечных» - малю-

▼ Лия Сихарулидзе

сенькие издания, способные поместиться на ладони, и тяжеленные гиганты, весом до пуда и более. Все они составляют бесценную сокровищницу грузинской культуры, и задача Лии Сихарулидзе не только сохранить их для потомков, но и познакомить с ними современников.

Общение с Лией расширяет кругозор и сознание. После первых минут беседы с этой элегантной и изящной женщиной с голубыми глазами, вспыхивающими алмазным блеском, когда речь заходит о ее любимой работе, начинаешь видеть реальность в преломлении лучей сверкающего Грааля знаний, обогащаешь лексику терминами, которые можно услышать только в музее или на лекции по истории искусств.

На стенах ее полугостиной-полумастерской соседствуют изысканные копии старинных рукописей и вполне авангардная живопись хозяйки. Больше всего для этой комнаты подходит название «портал», соединяющий современность и седую древность, здесь уживаются на небольшом пространстве чугунные уют-

дах основать монастыри на Святой Земле. Грузинские переписчики трудятся над рукописями не только в пределах страны – в Икалто, Гелати, Мгвимери, Мартвили и других обителях, но и на Святой горе Афона, в Петрицонском монастыре, в Палестине.

Одна из копий икон в мастерской Лии Сихарулидзе взята из сборника исторических сведений о празднике или о каком-либо святом – «Синаксария» XI века. Это «Воскрешение Лазаря» - один из самых распространенных сюжетов Нового Завета: Христос, узнав, что друг его Лазарь скончался, помолился, пролил слезы над почившим и громогласно воскликнул: «Лазарь, иди сюда!» И тотчас же умерший вышел из пещеры и, когда его распеленали, пошел в дом. После искупительной жертвы и воскресения Христа, прожил Лазарь еще дюжину лет, неся апостольскую веру людям.

Чудо воскресения – одно из краеугольных основ христианства, дающее надежду на бессмертие всего живого. Лия Сихарулидзе продлевает век бесценным рукописям, оживляет их, как Христос воскресил

▲ Иллюстрации к «Гулани». XVI век. Сретение, Сошествие во ад, Крещение. Копии. НАГ

ги для прессов пергаментов и кокетливый автопортрет художницы в боа из перьев. Со стены смотрят портреты евангелистов, украшенные филигранным орнаментом, буквы древнегрузинского шрифта мхедрули, слова святой молитвы, копии икон из манускриптов. На этом островке, живущем своей далекой от суетности жизнью, каким-то внутренним слухом начинаешь слышать скрип перьев склонившихся над свитками монахов. Вот они в своих кельях выводят каллиграфическую вязь грузинской письменности, оставляя на вечном пергаменте стройные ряды строк Нового завета или жития святых. А за узким окном каменной обители протяжно скрипит арба, бьет колокол, в солнечной дымке виднеются поросшие густым лесом горы, окружившие Гелати. Но пейзаж может быть иным: возможно, за монастырским окном привольно раскинулась просторная длань благословенной Алазанской долины. Стоит Золотой век грузинской истории – бурлит торговля, строятся храмы, наводят мосты дружбы с правителями Грузии считают за честь монархи далеких государств, грузинам разрешено за особые заслуги в крестовых похо-

бийского Лазаря. Она возвращает нам не только книги, но имена их переписчиков: Микаэла (IX в.), Иоана-Зосима (X в.), Габриела (X в.), Габриела Патараи (X в.), Иована Бераиа (X в.), Макариа Летелели (IX в.), Арсения (XII в.), Авгароза Бандаисдзе (XIV в.), Мамуки Тавакарашвили (XVII в.), Бегтабега Таниашвили (XVII в.).

Одними из самых ценных грузинских рукописей являются средневековые книги, созданные в Сванети. «Иенашское четвероевангелие» XIII века поразило Лию красотой выписанных в обрамлении орнамента заглавных букв. В рукописи разным орнаментом и разными красками филигранно оформлены 817 букв-асомтаврели. Выполнив в их ключе недостающие буквы, она создала образец грузинского алфавита, получивший высокую оценку специалистов и удостоилась лауреатства.

В древности труду каллиграфа обучали с детства. Переписчик текста должен был обладать твердой рукой, иметь особое чувство восприятия прекрасного. И вот, спустя века, Лия Сихарулидзе каким-то мистиче-

▲ «Осенний натюрморт»

ским образом обрела связь с легендарными мастерами Золотого века. Но, естественно, что в юности интересы симпатичной девочки из Верийского квартала были чрезвычайно далеки от чистописания на пергаменте. Как и полагалось в середине прошлого века ребенку из интеллигентной семьи, она училась в музыкальной школе по классу фортепиано. Папа Вахтанг был архитектором. Брат отца – скульптором. Творчески подходили к своей профессии дедушка и бабушка – учителя грузинского языка и литературы. Дедушка Илья преподавал в знаменитой первой средней школе и писал детские стихи. Книги его неоднократно издавались. Спустя годы Лия сделала прекрасные иллюстрации к стихам деда, которые украсили один из его сборников.

Всеобщая любимица Лия попевала всюду – бегала на корты, веселилась с подружками, рукодельничала с мамой, писала маслом картины. И все у нее великолепно получалось. Легкую, изящную, светловолосую школьницу не обошли вниманием киношники – старшеклассницу пригласили на эпизодическую роль в картине «Я, бабушка, Илико и Илларион». Режиссером фильма был Тенгиз Абуладзе, который ко всей творческой группе относился, как родной отец, и с ним можно было без раздумий отпустить на съемки подростка. Но родители решили, что в экспедицию на натуру в Гурюю они поедут всей семьей, так Сихарулидзе провели незабываемые недели, наслаждаясь обществом Сесилии Такашвили и других актеров, занятых в фильме. Эпизод с участием Лии вошел в картину, но перспектива стать актрисой ее занимала настолько мало, что она без особых эмоций восприняла предложение сниматься в картине другого подающего надежды режиссера – Отара Иоселиани, подбиравшего актеров для картины «Листопад». На съемочной площадке Иоселиани был целиком погружен в себя, но при этом присутствующих не покидало ощущение, что он исподволь за всеми наблюдает, критически оценивает их реплики, поведение. К молоденькой претендентке на роль, кото-

рая на площадке не занималась пустыми разговорами, а все свободное время что-то рисовала, он отнесся с симпатией. Оказалось, что Лия набрасывала карикатуры на происходящие вокруг события. Рисунки Отар Иоселиани похвалил, но роль Лия так и не получила, а вот дружеские отношения между режиссером и юной художницей сохранились на долгие годы. Отар Иоселиани с большой благодарностью принял свой портрет, выполненный через несколько лет Лией.

После получения диплома педагогического вуза Лию ждала перспектива стать школьной учительницей. Но отец взял дело в свои руки и попросил, чтобы дочку приняла на работу Эло Метревели, которая возглавляла Институт рукописей имени Кекелидзе. Элеонора Павловна пошла навстречу просьбе друга детства и крестника своей мамы. Естественно, было бы бес тактно вспоминать о «протекционизме», если бы не одно существенное обстоятельство. Итак, девушку с художественными задатками принимают на работу в

▲ «Зимняя ночь»

отдел реставрации рукописей на место недавно скончавшегося специалиста Шалвы Хуцишвили. Его работы в хранилище рукописей потрясли Лию до глубины души – она увидела воочию чудо реставрационного мастерства. Но это чудо оказалось за семью замками, потому что некому было открыть ей секреты сложных технологий. Правда, Хуцишвили обучил некоторым несложным операциям одну из сотрудниц, которая передала Лии «ана-бана» - азы профессии. Лаборатория института была скромной, а массив работы огромный. Рукописи, собранные и переданные в фонд института выдающимися грузинскими учеными и собирателями, требовали реставрации. Поле деятельности выглядело необозримым, а вопросы «Как и что делать?» росли, как снежный ком. Когда в первый раз ей принесли на реставрацию пергаментную рукопись, Лию охватила паника. И тогда она поставила перед собой цель: во что бы то ни стало стать специалистом достойным своей

должности. Решение было найдено – следовало ехать учиться. С этого момента начался долгий и очень непростой путь – она стала по крупинкам собирать знания всюду, где готовы были ее обучать. Начались поездки в Москву, Таллин, Ленинград, Киев, затем в Баку и Ереван.

Ее ученичество проходило в реставрационном отделе Публичной библиотеки Киева, в Тартуском университете, во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации России, в центре имени Грабаря, в лаборатории по консервации и реставрации документов Российской АН, в научно-реставрационном отделе Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.Рудомино и других местах. Она перенимала опыт у ведущих специалистов, месяцами уезжала из родного города, часами просиживала над книгами и в лабораториях. Закончила факультет искусствоведения Тбилисского государственного университета имени И.Джавахишвили. Шаг за шагом она отстаивала свое право именоваться реставратором, а затем художником-реставратором особо ценных рукописных книг, на это ушли долгие годы труда и творческого поиска.

Из заключения руководителя стажировки Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря, реставратора высшей квалификации Штокман И.Л.: «Во время второй стажировки Сихарулидзе Л.В. отреставрировала 12 листов восточной рукописи книги XVIII века. В реставрацию входило: удаление загрязнений, проверка клея и проверка текста на стойкость в воде...» и прочие многочисленные процедуры. В том же центре имени Грабаря Лия Сихарулидзе прошла стажировку под руководством реставратора высшей квалификации Е.А. Костиковой. Большую помощь ей оказал эстонский мэтр Э.Валк-Фалк. Эстонские и московские специалисты не уставали поражаться трудоспособности грузинской стажерки, ее способности впитывать знания и воплощать полученные навыки в своих работах с филигранной точностью истинного профессионала.

Познакомившись с сухим перечнем того, что умеет делать в своей профессии Сихарулидзе, трудно не повторить реплику героини всеми любимого фильма «Как украсть миллион», когда владелица поддельной статуэтки Челлини, узнав, что наняла не «грабителя», а эксперта, представляющего десяток научных королевских обществ, воскликнула: «И это все – вы!» Лия Сихарулидзе достойно представляет одну страну – Грузию. Она – универсал, мастер на все руки – восстанавливает бумаги и пергаменты, древние деревянные переплеты, различными методами создает капталы (плетения для переплетов), владеет разными методами переплетения и сшивания переплетов. Изучила технологии получения чернил из сусального золота и приготовления пергаментного клея из кожи. Она умеет восстанавливать старую тисненую кожу на переплетах, владеет техникой тонирования бумаги и создания мраморной бумаги, изготавливает различные смазки для обезвоженной кожи переплетов рукописных книг, создает муляжи и копии старинных рукописей, свитки и коробы.

Интересная деталь, за долгие годы поездок за знаниями – в родном институте ей только дважды оформили командировку. В остальные поездки Лия ездила по собственной инициативе и на собственные средства. К тому времени она вышла замуж за коллегу по институту рукописей, родила сына. Отправляясь в очередной вояж, она забирала с собой ребенка. Благо, в подмо-

сковном Одинцово – по соседству со знаменитой Барвихой – жила бабушка со стороны матери и тетушки, которые нянчили мальчика, пока мама осваивала все новые технологии восстановления старинных книг.

Тут следует оторвать глаз от реставрационных тонкостей и рассказать о российских корнях нашей героини. Ее прадед по материнской линии имеет прямое отношение к тому, что правительственный санаторий Барвиха, окружен столь великолепными лесами. По происхождению казанский татарин, он был лесничим в поместье барона Майендорф, оставившего о себе память в виде неоготического замка. Поместье Майендорф, сохранившееся и поныне, со всеми своими роскошными коллекциями гравюр, картин, мебели и сервизов наложило особый лоск на всех обитателей местной деревни Подушкино (будущей Барвихи). А разбитый рядом великолепный парк, в котором высаживали диковинные деревья, придал местности ореол романтики. В этом сказочном заповеднике прошло детство бабушки Лии – Фатимы Улмановой, женщины необычайной красоты и душевной щедрости. Под сенью одинцовских дубрав состоялись первые прогулки ее родителей – мамы Зейнаб, или по-домашнему Зиночки, и папы Вахтанга Сихарулидзе, служившего в полку, расквартированного к концу Великой Отечественной войны в Одинцово. Вскоре влюбленные поженились, и 8 ноября 1945 года на свет появилась Лия. В Грузию семья перебралась спустя полгода после ее рождения, но связь с одинцовским домом не прерывалась всю жизнь.

- Мама была красивой и яркой, она прекрасно вышивала и научила этому искусству меня, мы вместе выставляли свои работы на выставках и постоянно получали за них дипломы. К тому же у мамы был особый дар общения с людьми. Она все понимала по-грузински, и так получилось, что именно невестка из

▼ «Приглашение к завтраку»

▲ «Бабушка Маро»

России лучше всех знала наших родных и односельчан из гурийской деревни, в которой родился дедушка. А бабушка Фатима для меня всегда была одной из самых любимых, и я у нее ходила в любимицах.

Стажируясь в Москве, Лия постоянно находилась среди близких людей – это было большой поддержкой. Трудно было в ту пору представить, что Одинцово окажется за границей. Тяготы последующих лет, обрушившиеся на Грузию, Лия стойко пережила наравне со всеми тбилисцами.

- Не представляю своей жизни вне Тбилиси, без родного города я бы долго не протянула, - говорит Лия, - хотя очень люблю Москву. Но в Тбилиси у меня родные, любимые школьные подруги и, конечно, работа. Вы спрашиваете, как мы жила без света, без газа? Как все. Я много работала, и время летело быстро.

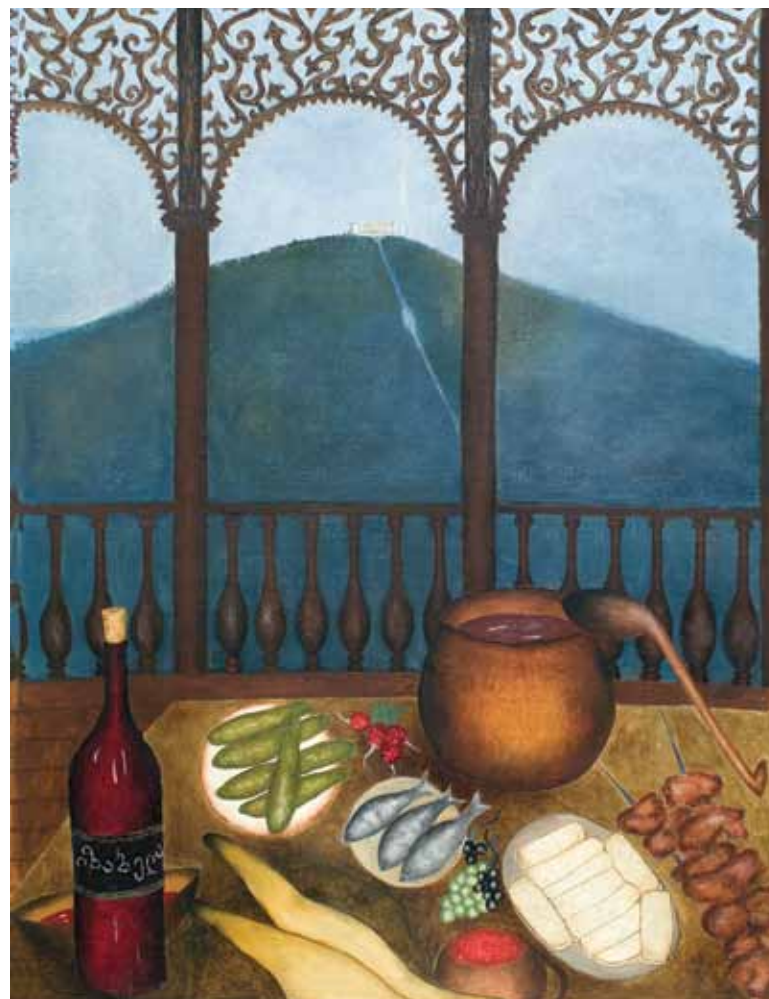
На вопрос об отдыхе она отвечает: «Не знаю, что это такое». Любит, к примеру, ездить на море, но никогда не лежит на пляже – гораздо интереснее рисовать морские пейзажи. На сон у нее уходит минимум часов: трудится до четырех утра, а будильник ставит на семь. В настоящее время Лия Сихарулидзе работает в историческом архиве при Национальном архиве Грузии. В ее распоряжении современная техническая база. Лия первой в Грузии занялась укреплением и консервацией осыпающего красочного слоя старинных миниатюр из древних рукописных книг, хранящихся в различных хранилищах. Пергамент – вечен, а вот рисунки наиболее уязвимы, краски осыпаются и трескаются от сырости, перепада температур. Их восстановление процесс ювелирный и длительный. На работе Лия, вооружившись биноклярными лупами, добивается, чтобы слой красок ложился безукоризненно ровно, не оставляя микроскопических сгибов и выпуклостей, что является гарантом защищенности старинных ри-

сунков. Дома она вечерами садится за другое только ей подвластное рукоделье – часами просиживает над копированием миниатюр по фотографиям, отснятым в музеях. В настоящее время она занимается созданием копий шедевров из собрания Горийского музея.

В ее копилке наград немало грамот, медалей, завоеванных на многочисленных выставках и смотрах народного творчества. На счету Лии Сихарулидзе – пять персональных выставок. Одна из них была посвящена истории оформления грузинской рукописной книги XI-XII веков. На персональной выставке в Музее книги Тартуского университета Лия представила копии и муляжи грузинских рукописей XI-XIII веков. Старинные рукописи плохо приспособлены для переездов и экспозиций – они чрезвычайно капризны и должны храниться при соблюдении специального режима. Поэтому значение копий, «один в один» переоценить трудно – они дают полное представление о грузинских манускриптах, внесенных в список культурного наследия ЮНЕСКО.

В 2012 году Лия Сихарулидзе провела выставку в Тбилиси, посвятив ее 85-летию Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илие Второму, с которым ее связывают теплые отношения – духовный пастырь высоко ценит работу реставратора по сохранению бесценных книг. Одна из интереснейших работ в творчестве Лии также была проведена с благословения Святейшего. Речь идет о создании Евангелия для патриаршего собора Святой Троицы, работа над которым была завершена к моменту освящения кафедрала. Соборное Евангелие создавалось творческим коллективом добровольцев с

▼ «Тбилисoba»

1987 года по 2004 год. Текст Нового завета любовно выводили каллиграфы из Патриархии – митрополит Давид Махарадзе и другие переписчики, двадцать три известных художника, в том числе, Гурам Жвания, Русудан Петвиашвили, Лиза Чкареули, создавали миниатюры и орнаменты для каждого кожного листа размером девяносто сантиметров на семьдесят. Естественно, что переплестать уникальную книгу и оформлять титульные листы поручили Лии Сихарулидзе, она посвятила выполнению этой миссии целый год. Чеканный оклад для обложки начал делать один известный мастер, но по какой-то причине прервал работу, и чеканку практически целиком выполнила монахиня Лия Микиани.

- Несколько месяцев разрозненные листы Евангелия находились у меня дома. Мы работали вот на этих столах, - показывает Лия, обводя руками свою комнату, - вот эти гири и чугунные утюги использовали как прессы. Это было удивительное время единения ранее незнакомых людей, сплотившихся ради высокой цели. Активно помогали матушка Лия, мой сын и его друзья – они поднимали и перекладывали тяжеленный фолиант – целиком книга достигла веса до 100 килограммов. Труд был огромный, но мы понимали, что делаем книгу на века, как мастера Золотого века. Возможно, и наше Евангелие через несколько сот лет станет предметом изучения специалистов. К огромному сожалению, Лия Микиани несколько лет назад погибла в автомобильной аварии, но Святое писание, облаченное в серебряный оклад ее работы, уже стало одной из реликвий нового храма Самеба.

Книги отражают душу народа. Многоголосье является одной из самых ярких жемчужин в короне культуры Грузии – только в нашей стране создавались отдельными сборниками различные богослужения и песнопения. Эти уникальные фолианты называются «гулани». По свидетельству антиохийского патриарха Макария, который совершил паломничество в Грузию в XVIII веке, гулани размещали на клиросе, на аналое, покрывали его тома ценным сукном. Путешественник отмечает огромные объемы гулани, сравнивая их с тюками на мулах.

Лия скопировала икону «Крещения» из «маленького» гулани, весом всего 12,5 кг. Теперь эта копия миниатюры висит у нее дома рядом с портретами четырех евангелистов. Рукопись XI века, украшенную их изображениями, отыскал в свое время академик Акакий Шанидзе. Но в книге сохранились страницы с тремя создателями евангелия – Луки, Иоанна и Марка. По образцу древних миниатюр Лия написала портрет четвертого – евангелиста Матвея. Не зная этой подробности, невозможно определить, что лик одного из столпов веры моложе собратьев на дюжину веков, настолько тонко художник проникла в стилистику и пластику древней миниатюры.

Перу реставратора Сихарулидзе принадлежат ряд ценных научных статей, Лия выступает с докладами и делится опытом на международных конференциях, обучает молодых коллег. Сожалеет, что в Грузии нет специалистов, которые могли подхватить ее знания – в Академии художеств готовят реставраторов живописи, а специалистов по восстановлению рукописей в стране до сих пор нет.

Лия по-прежнему выкраивает время для живописи. Ее полотна отличаются сдержанным колоритом, непостижимым образом они дышат свежим воздухом гор и издают ароматы - лаваша, только что извлеченного из тоне, бродящего мачари, сладкого пара, клубяще-

гося над чаном с перламутром пеламуши. Ее картины лиричны и индивидуальны. Стилистику древних рукописей Лия бережет для работ иного рода: оформления художественных книг и докторских дипломов государственного университета, цветных иллюстраций Грузинской энциклопедии, журнальных обложек издания «Гелатская академия наук», художественно оформленных грамот для почетных граждан Тбилиси, выполненных для иностранцев, удостоенных этого звания.

Давно подмечено, что у каждого человека несколько отличаются правый и левый профили, возможно, потому что справа нас оберегает Ангел-хранитель, а слева строит козни бес-искуситель – вечное противостояние и борьба добра и зла. Но есть люди, которые умеют справляться с искушениями – и профили у них идентичны. Лия принадлежит к такой редкой категории: она никогда не поддается сиюминутным эмоциям, ее трудно рассердить и вывести из себя. Она терпелива и настроена на позитив – в молодости не была религиозна, теперь не начинает работу без сотворения молитвы, и небесные силы ей помогают. При этом она подкупает открытостью, теплотой и отсутствием академизма. Не случайно она дает название «Дети» одной из своих картин, на которой обнимаются мальчик и «улыбающийся» пудель. Недаром она на вопрос о своих первых детских воспоминаниях отвечает, что маленькой ей нравилось выбрасывать в окно стаканчики-рюмочки. Конечно, мама ругала, но стаканчики так

▲ Анчийское Четвероевангелие. XII век. Копия. НАГ

замечательно звенели, когда разбивались об асфальт!

В старину труд писцов и создателей книг ценился настолько высоко, что переписчикам позволялась вольность оставить в завершенной части текста свой «автограф», который называется колофоном. Утомленный писарь порой выводил: «Как радуется путешественник возвращению домой, так радуется писец, увидев последний лист».

Лия Сихарулидзе в течение многих лет совершает паломничество в мир древней книги. Пожелаем ей столь необходимых сил для этих увлекательных путешествий, чтобы, увидев последний лист восстановленной рукописи, она была готова взяться за следующий манускрипт.

Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

▲ За роялем Нана Димитриади

ОТ БАХА ДО ОФФЕНБАХА

«Люблю музыку «от Баха до Оффенбаха» (Д.Д.Шостакович) и до наших дней» - так определяет свое исполнительское кредо Нана Одиссеевна Димитриади, профессор консерватории по концертмейстерскому классу, концертирующая пианистка, исполнитель музыки разных эпох и жанров, талантливый импровизатор, заслуженная артистка Грузии.

- Музыкальная аура окутывала вас от рождения. С чего начиналось становление будущего профессионала? Сохранились в памяти впечатления, непроизвольно давшие импульс к «взлету», или это происходило стихийно?

- С тех пор, как помню себя, я вся «в музыке». Очень рано потянулась к роялю. В три года подбирала одним пальцем «Колыбельную» Моцарта (теперь считают, что это музыка Джона Фильда), за ней последовали детские песенки, плясовые напевы. Это превратило мое поступление в детский сад в маленький праздник. Едва переступив порог, я сразу разглядела пианино, и, не дожидаясь приглашения, стала наигрывать «вальсики». Это вызвало бурный восторг малышей, все пустились в пляс. В пять лет я могла воспроизвести на фортепиано почти весь оперный репертуар мамы.

- Наше поколение было свидетелем блистательных выступлений вашего отца в оперных представлениях и симфонических концертах выдающегося дирижера Одиссея Ахилесовича Димитриади, в 1965-73 гг. главного дирижера Большого театра СССР, а в 1980 г. музыкального руководителя Московской олимпиады. Помним мы и спектакли с участием вашей матери, примадонны оперного театра Надежды Харадзе, вокруг имени которой скрещивались копыя тбилисских меломанов. Как влияли родители на формирование вашего духовного мира?

- К сожалению, мои родители очень рано разошлись, но внимание ко мне никогда не ослабевало. Правда, отца я узнала лишь в пятилетнем возрасте; после моего рождения он уехал, чтобы продолжить занятия в Ленинградской консерватории. Дирижировать в Тбилисской опере отца пригласил Евгений Микеладзе; под его предводительством в Москве только что закончился триумфальный показ достижений музыкальной культуры Грузии во время первой декады (1936). Микеладзе уступил отцу один из своих любимых спектаклей – «Тоску», но, к величайшему сожалению, теплые отношения и сотрудничество с великим дирижером вскоре трагически оборвались. Обвиненный в антисоветской деятельности, Евгений Семенович был сослан, и смертный приговор не заставил себя ждать.

- А как вы встретились с отцом?

- Подробностей не помню, но очевидцы утверждали, что встреча была достаточно бурной. Папа органично вписался в мир моего детства, я стала жить от спектакля к спектаклю, проявляя все больший интерес к оперным клавирам и их исполнителям. Профессия пианистки и даже концертмейстера определилась с раннего детства; очень нравилось, слушая пение мамы,

подбирать по слуху аккомпанемент. Отец относился к этому со всей серьезностью, радовался моим успехам (сам он был прекрасным пианистом) и постоянно упрекал маму, что она не сумела правильно подобрать мне педагога. Он не вполне был прав; моя первая учительница обладала большой культурой и достаточной музыкальностью, но исполнительство не было ее сильной стороной.

По окончании ЦМШ (тогда говорили: «десятилетка для одаренных»), я поступила в консерваторию в класс Анастасии Давыдовны Вирсаладзе, осуществив заветную мечту родителей. Большим счастьем были не только занятия с Анастасией Давыдовной, но и общение с ее семьей, значение которого трудно переоценить. Разносторонняя образованность, доброжелательность, благородство поступков отличали всех ее членов. Сын моей учительницы Котэ Спиридонович, прекрасный врач, будущий ректор Тбилисского медицинского института любил и глубоко знал литературу. Тогда его кумиром был мало известный в Тбилиси Томас Манн, о котором я от него и узнала. Ярko проявлялась одаренность восьмилетней Элисо – редкий слух, универсальное видение нотного текста, потрясающая память. В классе ее бабушки было трое моих однокурсников, и малышка твердо знала репертуар каждого.

Заслышав доносившиеся из коридора шаги очередного студента, она начинала играть по слуху его программу с безукоризненным звучанием фуг Баха, сонат Бетховена. К таким способностям в семье относились спокойно, «сотворение кумира» не культивировалось в воспитании Элисо, больше заботились о ее скромно-

(Кокой) Погосовым; услышать эту сонату в подобном звучании мне больше не довелось.

- А как воспитывала вас мама? Нередко приходилось слышать о большой духовной близости между вами.

- Воспитание исходило из принципа свободы. Я всегда следовала своим желаниям, запретов обычно не было. Правда, в этом проскальзывала и «теневая» сторона: ощутимо не доставало усидчивости, нескончаемое общение с подругами мешало серьезным школьным занятиям. Этому в известной мере способствовала и атмосфера семейного быта, где так любили гостей! Могла я заниматься уроками, когда в соседней гостиной находился замечательный певец и воспитатель мамы Евгений Алексеевич Вронский с женой, или любимые сценические партнеры и партнерши, с которыми Надежда Васильевна так умела дружить? Давид Ясонович Андгуладзе со своей женой тетей Варей, ближайшая подруга мамы Сесилия Такайшвили, с приходом которой в дом будто врывались потоки солнца. Много радости доставляло присутствие Елены Дмитриевны Ахвледиани, звездной пары Нино Рамишвили-Илико Сухишвили. Наносила визиты и Нина Александровна Ряднова, ныне несправедливо забытая, всегда озабоченная делами оперного театра. Изпод ее пера выходили тексты всех либретто, прилагаемых к театральным программам. Вдова знаменитого певца и педагога Тбилисской консерватории Евгения Карловича Ряднова, она увлекательно рассказывала о триумфальных выступлениях мужа в Италии, Австрии, Франции, о его любимом ученике Сандро Инашвили,

о том, как они принимали у себя на даче Рахманинова во время его гастролей в Тбилиси. По профессии Нина Александровна была скрипачка, образование получила в Москве, но о владении своим инструментом отзывалась с большим юмором: «Я была андантисткой (такое прозвище она придумала себе по ассоциации с темпом анданте, «умеренно»), в игре – одна кантилена, и больше ничего!» А Бату Кравейшвили – неугомонный весельчак, остроумный рассказчик! Мастерски схватывая особенности речи и мимики присутствующих, он под шумное одобрение пародировал их, создавая карикатурные портреты. Когда в начале войны, в 1941-43 гг., благодаря настойчивым усилиям Реваза Габичвадзе, был основан первый грузинский Государственный эстрадный джаз-оркестр, мама и Бату оказались его первыми солистами, и их дуэт «Дай мне руку, генацвале» (музыка Р.Габичвадзе) надолго стал «визитной карточкой» оркестра. Впечатления тех лет сохранили свое значение на всю жизнь.

С ранних лет меня завораживала удивительная певичка Нина Валацци, которая по непонятным причинам оставляла прохладными тбилисских меломанов, но зато бесконечно почиталась артистами, среди которых едва ли не на первом месте был Сергей Параджанов. Итальянка по происхождению, она прошла итальянскую школу бельканто и виртуозно владела своим редким по красоте голосом. Незабываемой была звуковая (именно звуковая, а не сценическая!) интерпретация образов Леоноры, Тоски... Недолго пробыв в Тбилиси, она переехала в Баку, но временами появлялась с гастрольями. Последним спектаклем с ее участием стала

▲Семья Димитриади на 75-летнем юбилее Одиссея. 1983

сти. Девочка была так образованна, умна и остроумна, что, будучи на десять лет старше, я не ощущала разницы в возрасте и очень дружила с ней; это продолжается до сих пор.

- Кто готовил вас к главной профессии – концертмейстерскому мастерству?

- Вы задали волнующий вопрос. Это Елена Сергеевна Тер-Минасова, замечательная пианистка, мой добрый наставник, истинный Учитель с большой буквы. Можно забыть ее роскошные руки, их трепетное прикосновение к клавишам!? Потрясающим было исполнение сонаты Франка в дуэте со скрипачом Николаем

«Тоска» в 1957 году, где Каварадосси представлял Зураб Анджапаридзе. И на фоне этого волнующего партнерства впечатление от голоса отнюдь не молодой партнерши было поистине пронзительным.

Шли годы, закончилась учеба. Я стала профессиональной пианисткой (правда, сольных клавирабентов, как и выступлений с симфоническим оркестром, было немного, больше привлекало аккомпаниаторство), преподавала в консерватории, стала зав. кафедрой концертмейстерского мастерства. А семейные традиции не прерывались. К примеру, когда в середине 60-х годов в наш город прибыла труппа Пирейского драматического театра во главе с прославленной Аспасией Папатанассиу, по окончании «Медеи» все участники спектакля были приглашены моим отцом.

- Как распределяются ваши симпатии между тбилискими певцами?

- Вопрос непростой. В нашем театре всегда были замечательные певцы. Отдавать кому-либо предпочте-

▲ Нана Димитриади

▼ Поэт Цисана Татишвили

ние трудно, и, наверно, не коллегиально, перечислить же всех в рамках одного интервью невозможно. Скажу только, что время всегда диктовало свои условия. Талантливые современники моей матери, как и певцы последующего поколения за «железным занавесом», вынуждены были вариться в «собственном соку», не ведая, что происходит в мире. Строго ограничивался театральным репертуар. Последующим же поколениям постепенно становились доступны международные конкурсы, зарубежные стажировки, беспрепятственные гастроли, наконец, работа в лучших театрах мира.

- Кто из партнеров особенно запомнился?

- Очень любила аккомпанировать Мееде Амираншвили; правда, это длилось недолго. Неоднократно гастролеровала с Цисаной Татишвили; потенциал ее выдающегося голоса, на мой взгляд, приближается к данным самых блистательных зарубежных певиц. С ней мы провели концерты в Вене в зале Шуберта, в зале Перселла в Лондоне, в Греции и других странах. Я была концертмейстером Ладо Атанелишвили в его первом сольном концерте. Из скрипачей играла с Лианой Исакадзе, тогда еще совсем молоденькой девочкой; ее выступление в Москве на фестивале памяти Шота Руставели превратилось в триумф. Большим другом с юности и любимым партнером была Марина Яшвили. Особенно успешно мы концертмировали в Польше. Должна признаться, мне всегда казалось, что ее искрометное дарование не получило должной оценки среди музыкантов. С начала 80-х годов сложился виолончельный дуэт с Тамарой Габарашвили. Играть с ней огромное удовольствие; утонченный музыкант, она словно соткана из порывов вдохновения, и это – в сочетании с редкими человеческими качествами, готовностью всегда придти на помощь. За границей местом нашего концерта стал зал Бетховена в Бонне.

- Чем увлекаетесь в последнее время?

- Любимым занятием стало прослушивание знаковых записей великих певцов, и, прежде всего, боготворимой мною Марии Каллас. Особенно потрясла запись оперы Пуччини «Манон Леско», где в роли Де Грие знаменитый тенор Джузеппе ди Стефано. Заново раскрылся Франко Корелли. У нас его знают меньше, чем Доминго или Паваротти, а в Италии говорят: «Если Карузо король, то Корелли принц».

Беседу вела Мария КИРАКОСОВА

«ТИФЛИС ГОРБАТЫЙ ...»: МАНДЕЛЬШТАМ И ГРУЗИЯ

Памяти Александра Цыбулевского и Гии Маргвелашвили

Очное знакомство Мандельштама с Грузией состоялось в августе 1920 года в Батуме. Как и при каких обстоятельствах – об этом ниже. Но Грузия, грузинская тема вошла в его стихи значительно раньше – по крайней мере, осенью 1916 года.

Именно так датировано стихотворение «Я потеряла нежную камю...», впервые напечатанное в харьковском журнале «Камена» (1918, № 1, с. 9) и включавшееся затем в сборники «Tristia» (1922) и «Камень» (1923). Кто она, эта Тинатин, эта прекрасная грузинка? Н.И. Харджиев, ссылаясь на В.М. Жирмунского, сообщает, что имеется в виду Тинатин Джорджадзе.

Декабром 1916 года помечены и стихи «Соломинка». Этот дистих, или «двойчатка» (термин Н.Я. Мандельштам) обращен к другой грузинской знакомой Мандельштама – к Саломее Николаевне Андрониковой (Андроникашвили, по мужу – Гальперн), с 1900 по 1919 г. жившей вместе с отцом в Петербурге. В 1916 году ей было 28 лет, а Мандельштаму – 26. Мандельштам сравнивает ее с героинями Эдгара По (Лигейя, Ленор) и Бальзака (Серафита). В другом посвященном ей стихотворении 1916 года («Мадригал») Мандельштам обыгрывает семейную легенду о происхождении княжеского рода Андроникашвили от достославного византийского императора.

Заочными встречами Мандельштама с Грузией можно считать и прижизненные публикации его стихов или статей, о которых он сам, возможно, даже не подозревал. Так, в 1919 г. в тифлисском журнале «Орион» (№ 6), издававшемся С.Рафаловичем при участии

С.Городецкого, было напечатано стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» Позднее в батумских газетах перепечатывались и статьи Мандельштама: в газете «Искусство» (21 июня 1921 г.) - статья «Слово и культура», а в «Батумском часе» (11 февраля 1922 г.) - «Письмо о русской поэзии».

Однако пора уже перейти к обстоятельствам очного знакомства Мандельштама с Грузией. Они таковы. В августе двадцатого года после пяти или семи суток плаванья «ветхая баржа, которая раньше плавала только по Азову», стала на батумском рейде. Вечером с палубы город казался «...гигантским казино, горящим электрическими дугами, светящимся ульем, где живет чужой и праздный народ...»

Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний – словно японская прическа – чистенький, волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в прозрачном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она – Грузия!..» («Возвращение»).

Прием, однако, был не особенно гостеприимным. Мандельштама с братом (Александром) препроводили в тюрьму с тем, чтобы отправить обратно во врангелевский Крым.

В том, что этого не произошло, возможно, сказалась договоренность между РСФСР и Грузией о правилах взаимного въезда и выезда их граждан, ограничивав-

▲ Чистильщик обуви. Батуми. 1920-е гг.

шего передвижение лишь лиц, находившихся под следствием. Тем не менее, существуют две версии спасения Мандельштама из батумской тюрьмы, а точнее карантин.

Вот первая – «голубороговская» - версия.

В воспоминаниях Нины Табидзе «Память» этот эпизод выглядит так:

«В первый год после нашей свадьбы мы поехали на лето в Батум. Соблазнил нас Нико Мицишвили, который там одно время работал в газете. Он и Тициану предложил с ним работать. Он же организовал в Батуме вечер Тициана, который прошел очень тепло и интересно.

(...) Раз, выходя с пляжа, я увидела Тициана, идущего с какими-то молодыми людьми. Я окликнула его, они остановились. Тициан объяснил мне, что в батумском карантине оказался приехавший из Крыма поэт Осип Мандельштам и надо как-то вызволить его оттуда.

Место, где люди находились в карантине по случаю возможной эпидемии чумы, было обнесено проволокой, туда никого не пускали. Тициана пропустили, а я ждала его на улице. Он вышел оттуда очень взволнованный. Оказывается, когда ему показали на Мандельштама, он сперва не поверил, что этот поэт, этот эстет, сидит на камне, обросший, грязный. Тициан некоторое время не верил, что это и есть Мандельштам и даже стал задавать вопросы, на которые он один мог бы ответить. Например: «Какое ваше стихотворение было напечатано в таком-то году, в таком-то журнале». Тот назвал и даже прочитал свои стихи наизусть. Потом читал еще другие стихи. Тициан понял, что перед ним действительно Мандельштам...

Мы уезжали из Батума, и Мандельштам поехал с нами в Тифлис...»

Более подробно описывает эту историю Нико Мицишвили:

«В 1919 (1920 – П.Н.) году летом в Батум приехал из Крыма известный русский поэт Осип Мандельштам. Приехал он на маленьком пароходе в числе десяти каких-то сомнительных пассажиров. Все они были арестованы береговой охраной.

В те времена я и поэт Тициан Табидзе жили в Батуме. Как-то раз на улице настигает нас какой-то старичок, останавливает и говорит, что он старшина местной еврейской

общины, и спрашивается – известен ли нам поэт Мандельштам. Мы ответили, – да, известен.

- Если так, - сказал старик, - поэты должны помочь поэту: Мандельштам арестован и сидит в Особом отряде.

Мы пошли в Особый отряд. Нам сказали, что среди арестованных на самом деле есть какой-то Мандельштам, но невозможно, чтоб этот был наш знакомый: такой уж он непоэтичный на вид.

Самого Мандельштама нам не показали, и мы, усомнившись в правильности подхода к поэзии со стороны Особого отряда, отправились к генерал-губернатору Батумской области.

- Посмотрим, что это за человек, – ответил он и тотчас же распорядился по телефону доставить Мандельштама к нему.

Доставили.

Входит низкого роста, сухопарый еврей – лысый и без зубов, в грязной, измятой одежде и дырявых шлепанцах. Вид подлинно библейский.

Губернатор взглянул на него и обратился к нам по-грузински:

- Я думал, в самом деле кто-нибудь, а это какое-то страшилище, черт возьми. На него дунуть – улетит. Нашли тоже опасного человека.

Затем усадил его, дипломатически выяснил, что он действительно поэт Мандельштам, и вежливо извинился.

Мандельштам, как воробей, присел на край стула и начал рассказывать.

- (...) От красных бежал в Крым. В Крыму меня арестовали белые, будто я большевик. Из Крыма пустился в Грузию, а здесь меня приняли за белого. Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я – белый, красный или какого еще цвета. А я вовсе никакого цвета. Я – поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс... (...)

Затем коснулся Крыма».

Впервые это было напечатано в 1930 году в книге Н. Мицишвили «Тень и дым», вышедшей в ГИХЛе.

Письмо З.Черняка, редактора этой книги, к автору сохранило для нас реакцию Мандельштама на эти прижизненные мемуары о событиях десятилетней давности

Трамваи на улицах Тифлиса

сти: «Забыл упомянуть, что на днях говорил случайно с поэтом Мандельштамом, который рвет и мечет по поводу строк, посвященных ему в Вашей книге. Особенно волновался Мандельштам из-за ваших «цветовых» характеристик («...а я не белый и не красный...») - и требовал, чтобы я устранил их из рукописи. Я ему, разумеется, указал, что редактор не вправе вносить такого рода изменения, что редактор обязан вмешаться лишь в тех случаях, когда мемуарист искажает исторически бесспорные даты и т.д. Моим резонам Мандельштам, к сожалению, не внял – так что ждите от него грозного послания, смертоносное действие которого может быть ослаблено разве только тысячекилометровым расстоянием, отделяющим Вас от пылкого и по-африкански темпераментного поэта».

Примерно в том же духе, что и грузинские поэты, описывает в своих мемуарах вызволение Мандельштама и Ильи Эренбург. Его, однако, считала необходимым поправить Надежда Яковлевна Мандельштам, вдова поэта. Со слов мужа она рассказывала, что грузинские поэты действительно пришли в портовый карантин, где содержался Осип Эмильевич с братом Александром. Они предложили поручиться за Мандельштама и моментально освободить его, но за его брата поручиться не стали. На таких условиях Мандельштам, разумеется, принять личную свободу не мог. Помог Мандельштаму, как он это сам описывает в очерках «Возвращение» и «Меньшевики в Грузии», конвойный солдат Чигуа, сочувствовавший большевикам, хотя не исключено, что грузинские поэты, уезжая, предупредили о Мандельштаме чрезвычайного комиссара Батума и области В.С. Чиквишвили, вмешательство которого окончательно решило вопрос о свободе обоих братьев.

Пребывание Мандельштама в Грузии в 1920 году было недолгим, но все же оставило след в литературной жизни Батума и Тифлиса. Батумские газеты («Эхо Батума» и «Батумская жизнь») сообщали о вечере О.Мандельштама в батумском ОДИ (Обществе деятелей искусства) 16 сентября, а «Батумская жизнь» поместила 18 сентября еще и отчет И. Зданевича.

Даже берлинский журнал сообщал в январе 1921 года о том, что Мандельштам «...жил в 1920 г. в Крыму и Коктебеле близ Феодосии. В настоящее время находится в Закавказье. Устраивал вместе с И.Эренбургом в Батуме и в Тифлисе вечера поэтов, на которых читал свои стихи» Примерно в то же время в издававшемся на грузинском языке журнале «Гантиади» появилась заметка о том, что Н.Мицишвили организует в Париже грузинское издательство, к работе которого он намерен привлечь и русских писателей – Мандельштама, Эренбурга, Городецкого (сообщено М.Н. Мицишвили).

Прибыв в Тифлис и повстречав там вскоре И. Эренбурга, Мандельштам ненадолго окунулся в гущу довольно-таки бурной – «столичной» - художественной жизни. Пестрота здесь нашла на пестроту: разнообразие эстетическое, политическое, национальное.

Из русских писателей необходимо отметить Сергея Городецкого, приехавшего в Тифлис еще в 1917 году. Он редактировал журнал «ARS» (издавался на средства Анны Антоновской, которых хватило на 4 номера) с обширной интернациональной программой, организовал при журнале «Артистериум», ведя в нем самые различные курсы, устраивая выставки, и т.д. Он же вел и русский сатирический журнал «Нарт», печатал свои стихи и фельетоны в газете «Кавказское слово» и выпустил

▲Тициан Табидзе и Валериан Гаприндашвили

поэтический сборник «Ангел Армении». Он же создал, по образцу петербургского, тифлисский Цех поэтов, из участников которого упомянем Олега Дегена, Нину Полякову, Анну Антоновскую, Алексея Крученых, Татьяну Вечорку (Толстую), Нину Лазареву, Сергея Рафаловича и др. Сергей Рафалович с помощью бакинского издательства «Книжный посредник» в 1919-1920 гг. издавал журнал «Орион» и газету «Понедельник».

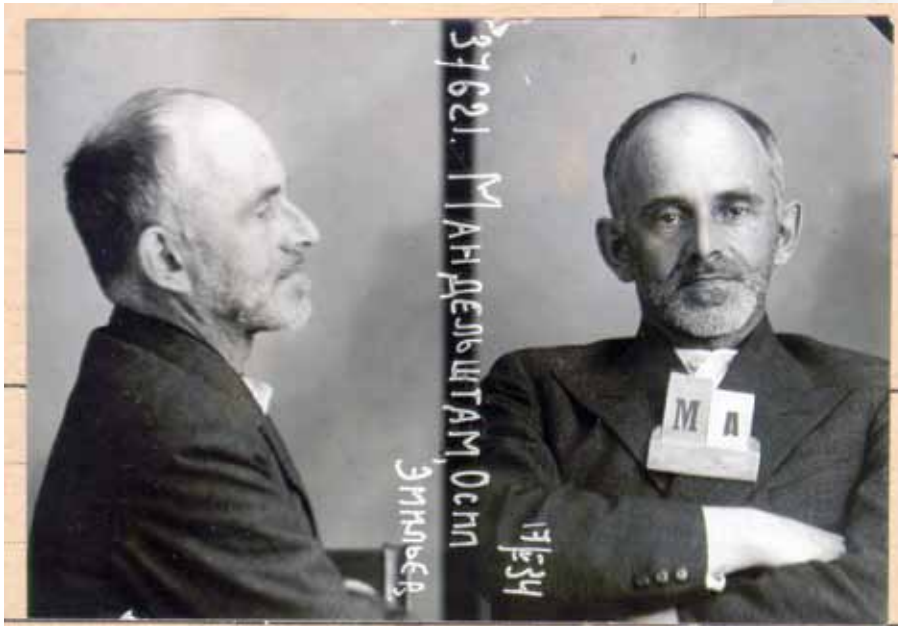
Однако уже в этот приезд в центре внимания и общения оказались в первую очередь грузинские поэты – Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили и другие. 26 октября в Консерватории состоялся единственный, как было заявлено в газетных объявлениях, вечер Осипа Мандельштама и Ильи Эренбурга. Вечер открыл Г.Робакидзе, произнесший слово о новой русской поэзии. Затем Эренбург сделал доклад «Искусство и новая эра», после чего оба поэта читали свои стихи.

Две или три недели, что провел Мандельштам в сентябре – октябре 1920 года в Тифлисе, отогрели его.

Во второй раз Мандельштам с женой приехал в Тифлис в июле 1921 года. Они проехали через Ростов и Баку, с поездом «Центроэвака» - учреждения, которое должно было заниматься расселением и устройством эмигрировавших из Турции армян.

Лето и осень 1921 г. они провели в Тифлисе, в августе и сентябре побывав наездами в Батуми.

Сначала, вспоминает Колау Надирадзе, их поселили в одной из комнат Дворца искусств – особняка, ранее принадлежавшего известному меценату К.Сараджеву (ныне Дом писателей Грузии). Потом они переехали в дешевую комнату в одном из старых дворов на углу улиц Гунибской (ныне Барнова) и Кирпичной (ныне Бе-

▲ Осип Мандельштам. 1934

линского), Н.Я. Мандельштам указывала на другую последовательность: во Дворце искусств им пришлось «водвориться» лишь после того, как квартал, в котором они жили, был для какой-то цели в одночасье выселен. Через весь город их провез на полугрузовичке – забавнейшая фантазмагорическая деталь – шофер-негр.

«Помню, как Паоло Яшвили великолепным жестом приказал швейцару отвести нам комнату..., и швейцар не посмел ослушаться – грузинские поэты никогда бы не позволили своему русскому собрату остаться без крова».

Мандельштамы прожили месяц в одной из комнат первого этажа, Тициан Табидзе и Паоло Яшвили с семьями жили на втором. Сходились на одной из террас особняка, говорили о стихах, пылко и яростно спорили. Мандельштам, вспоминала Надежда Яковлевна, напал на символизм, Тициан и Паоло именем Андрея Белого клялись уничтожить всех врагов символизма.

Именно здесь оттачивались все антисимволистские выпады Мандельштама, которых немало в статьях 1922-1923 гг., начиная с «Кое-что о грузинском искусстве», где эти выпады носят почти личный характер.

Зато в оценке Важа Пшавела расхождений не было: именно здесь Мандельштам и перевел его поэму «Гоготур и Апшина». Здесь же было написано стихотворение, которое Н.Я. Мандельштам по праву называет переломным:

*Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч, как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями...*

«...В эти двенадцать строчек, - пишет вдова поэта в одной из статей, - в невероятно сжатом виде вложено новое мироощущение возмужавшего человека, и в них названо то, что составляло содержание нового мироощущения: совесть, беда, холод, правдивая и страшная земля с ее суровостью, правда как основа жизни; самое чистое и прямое, что нам дано, - смерть, и грубые звезды на небесной тверди...» (Фоном всему этому послу-

жила одна деталь быта Дворца искусств: в роскошном особняке не было водопровода, воду привозили и наливали в огромную бочку, стоявшую во дворе, - всклянь, до самых краев).

В этот приезд Мандельштам глубоко проникся духом грузинской поэзии.

К.Надирадзе вспоминал: «Грузинские стихи он слушал как музыку, просил при этом читать помедленней, выделяя мелодию (любопытно, что об этом просил и А.Белый) и не всегда даже расспрашивал о содержании. Звучание некоторых стихов так его очаровывало, что он старался заучить их, подбирая к непривычным для русского слова звукам довольно близкие русские фонетические эквиваленты. Больше других восторгался он Бараташвили и Важа Пшавела, знал наизусть бараташвилевскую «Серьгу» в переводе Валериана Гаприндашвили...»

Приведем здесь ее текст:

*Как легкокрылый мотылек
Качает ландыша цветок,
Вполне отдавшись упоению,
Под ухом девы молодой
Серьга, влюбившись в призрак свой.
Играет с собственной тенью.
Как странно счастлив будет тот,*

*Кто на минуту отдохнет
Под этой тенью безмятежной;
Кого крылатая серьга,
Как тихий шелест ветерка
Прохладою обвеет нежной.
Серьга? Скажи мне лишь одно –
Кому судьбою суждено
Губами с этой тенью слиться?
Чтобы бессмертия шербет
Сквозь огненный и сладкий бред
Пить и навеки насладиться.*

Действительно, за те полгода, что Мандельштам с женой «проболтался (по ее выражению) в богатой и веселой Грузии», он настолько прочно вошел в культурную жизнь Тифлиса, что петроградский «Вестник литературы» сообщил в хронике, что «поэт О.Мандельштам переехал в Тифлис!»

Мандельштам имел в виду прежде всего себя, когда писал: «Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей национальному характеру, и легким целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью, в которую погружена душа и история этого народа. Грузинский Эрос – вот что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда была нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить».

Разве не служит стихотворение Мандельштама «Мне Тифлис горбатый снится...» превосходной иллюстрацией к этим словам?

Как бы то ни было, но веселому и непритязательному Мандельштаму в 1921 году в Грузии неплохо жилось и хорошо работалось – в атмосфере дружеского участия со стороны грузинских поэтов и... посольства РСФСР в Грузии, посол – Б.В. Легран, журналист и гимназический товарищ Н.Гумилева, взял Мандельштама на службу, на которой тому полагалось делать вырезки из газет (о расстреле Н.Гумилева О. Мандельштам узнал также от Б.Леграна). М.Булгаков уважительно отозвался об их жизни в Грузии как о «бедной, гордой и поэтически беспечной».

Именно здесь, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, у него «прорезался новый голос» - тот самый голос, которым выговорены стихи следующего за «Камнем» и «Tristia» этапа его творчества – стихов 1921-1925 гг. Недаром в книге «Стихотворения» (1928) вторым в этом разделе шло стихотворение «Умывался ночью на дворе...»

О полугодии тифлисской жизни Мандельштамов известно не так много. Первою сводкой соответствующих свидетельств явилась статья А.Е. Парниса. Он сообщает о лекции в батумском Центросоюзе в августе 1921 года, прочитанной Мандельштамом в связи с кончиной Блока, о двух поэтических выступлениях в Тифлисском цехе поэтов, о зачислении О.Мандельштама 5 октября 1921 года в действительные члены Союза русских писателей (сохранилась расписка о получении Мандельштамом 27 сентября 1921 года денежного пособия от Союза). Мандельштам активно сотрудничал в «Фигаро», участвовал в различных диспутах и вечерах, даже преподавал в Театральной студии, организованной в Тифлисе Н.И. Ходотовым.

Но особого разговора заслуживает неожиданно активная переводческая деятельность О.Мандельштама в Грузии. «Сам по себе переводческий труд Мандельштам недолюбливал, - вспоминает К. Надирадзе, - но, тем не менее, оставил после себя несколько прекрасных переводов с грузинского...»

Что же это за переводы?

Прежде всего – поэма Важа Пшавела (по свидетельству Н.Я. Мандельштам, подстрочник подготовили Т.Табидзе и П.Яшвили). 4 декабря 1921 года в первом номере «Фигаро» сообщалось: «О.Мандельштам закончил перевод на русский язык поэмы Важа Пшавела «Гоготур и Апшина». Перевод одобрен и принят Наркомпросом к печатанию. Та же поэма переведена также и А.Кулебакиным. На днях во Дворце искусств состоялась чтение обоих переводов, после чего были устроены пре-

ния».

Однако книга не была напечатана, хотя дважды отрывки из поэмы публиковались в Тифлисе, т.е. почти сразу по возвращении из Грузии (через Ростов, Харьков и Киев) в Москву, О.Мандельштам заключил с Госиздатом договор на издание своего перевода в 417 стихотворных строк, 17 ноября 1922 г. книге был назначен тираж в 3 000 экземпляров, но и эта книга не увидела света. В начале 1923 года Мандельштам передал перевод издательству «Всемирная литература», и он был, наконец, опубликован с послесловием и под редакцией профессора К. Дондуа в журнале «Восток». Мандельштамовский перевод поэмы «Гоготур и Апшина» стал подлинным открытием Важа Пшавела в русских переводах.

Другой линией переводческой работы Мандельштама стала поэзия группы «Голубые роги». Для первой русской антологии «Поэты Грузии», изданной в Тифлисе в самом конце 1921 г. (составитель Н.Мицишвили) он перевел четыре стихотворения – «Бирнамский лес» Тициана Табидзе, «Пятый закат» Валериана Гаприндашвили, «Прощание» Н.Мицишвили и «Автопортрет» Георгия Леонидзе. Кроме того, для изданной в 1922 г. книги Иосифа Гришашвили «Стихотворения» - «Перчатки» и «Мариджан».

Наконец, в № 4 «Фигаро» сообщалось, что из печати вышло новое произведение армянского поэта-футуриста Кара-Дарвиша «Пляска на горах» в переводе О.Мандельштама, посвященное поэту Г.Робакидзе. Текст его долго не удавалось разыскать, пока, наконец, он не был обнаружен в частном собрании В.П. Нечаева. И, хотя Мандельштам утверждал, что для русской

▼ Сергей Городецкий

поэзии «обетованной страной... стала не Армения, а Грузия» («Кое-что о грузинском искусстве»), это прикосновение к армянской поэзии и армянскому языку послужило неким преддверием к путешествию в Армению в 1930 г. А.Е. Парнис справедливо пишет: «... Работа над этим переводом еще до выхода на активный контакт с национальной культурой и была зарождением армянской темы, ставшей в зрелый период поэта важным этапом его творчества».

Отголоски пребывания Мандельштама в Грузии в 1920 и 1921 годах еще не раз обнаружат себя и в последующем. Вот только некоторые из них.

В статье «Литературная Москва», вышедшей в сентябре 1922 года, встречаем имя известного антрепренера Ф.Я. Долидзе, «в летнее время, по крайней мере душой, переселяющегося в Озургеты», а также сравнение иных поэтов с шиитами, готовыми «...лечь на землю, чтобы по ним проехала колесница зычного голоса (Маяковского – П.Н.)»

Михаил Пришвин в рассказе «Сопка Маира» вспоминает, как Мандельштам расписался в ведомости на получение продовольственной посылки АРА... по-грузински. В небольшой прозе «Сухаревка» поэт вспоминает тифлисский майдан – «разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов».

Наконец, в анонимной заметке, помещенной в журнале «Искусство и промышленность» вслед за богато иллюстрированной статьей К.Паустовского «Грузинский художник», посвященной творчеству Н.Пиросманашвили, читаем: «Поэт О.Мандельштам предложил редакции написать исследование на неожиданную и оригинальную тему – «Вывески Москвы». Из статьи этой, которая появится в одном из ближайших номеров журнала, будет, между прочим, ясно, что отголоски творчества Пиросманашвили достигли Москвы. На многих вывесках шашлычных и т.п. заведений имеются как ясные подражатели этому художнику, так и работы других молодых продолжателей клеенок и жести Пиросмани».

Если отвлечься от не слишком твердого свидетельства о том, что Мандельштам с женой отдыхали в Сухуме в ноябре 1927 года, то следующие встречи Грузией состоялись спустя почти десятилетие.

Весной и осенью 1930 года Мандельштам с женой снова побывали в Грузии.

Пребывание в Тифлисе и Сухуме обрало их знаменательную поездку по Армении, описанную в «Путешествии в Армению» («Звезда», 1933, № 5).

В Сухуме поэт провел шесть недель, дожидаясь вызова в Армению. Ему отвели «солнечную мансарду в так называемом

«доме Орджоникидзе» - «оцепленной розами, никем не заслуженной, блаженной даче», - вынесенной над городом «как на подносе срезанной горы; так и плывет в море вместе с подносом».

В так называемых «Записных книжках» мы находим имена нескольких лиц, составивших круг общения Мандельштамов, - М.Ковач, собиратель абхазских народных песен, Анатолий К., директор Тифлисского национального музея, Гулиа – президент общества любителей кавказской словесности, поэт Безыменский. Именно от Безыменского Мандельштам «принял океаническую весть о смерти Маяковского», которая «...как водяная гора, бьет позвоночник, стеснила дыхание и оставила соленый вкус во рту». Для атмосферы «блаженной дачи» характерно, что «общество, собравшееся в Сухуме, приняло весть о гибели первоизданного поэта с постыдным равнодушием. Ведь не Шалапин и не Качалов даже! В этот же вечер плясали казачка и пели гурьбой у рояля студенческие вихрастые песни».

Как ни удивительно, но о пребывании Мандельштама собственно в Тифлисе известно еще меньше, чем о Сухуме, и неизмеримо меньше, чем о 1920 или 1921 гг. Известно, что велись переговоры с Бесо Ломинадзе об архивной работе в Тифлисе, известно, что была встреча с Егише Чаренцем и его, поразившие Мандельштама, слова: «Осип Эмильевич, из вас лезет книга».

Но что же это за книга?

По всей очевидности, эти стихи об Армении – цикл из 12 стихотворений и ряд примыкающих к ним стихов, написанные в октябре – ноябре 1930 г. в Тифлисе. Этими стихами прервалось пятилетнее молчание Мандельштама-поэта, и как знаменательно, что произошло это благодаря Кавказу и непосредственно в Грузии!

В свой последний приезд в Грузию Мандельштам переводами не занимался. Но, как бы то ни было, его переводы 1921 года, в особенности «Гоготур и Апшина» - по существу открыли целую цепь его стихотворных переводов, протянувшуюся через ямбы Огюста Барбье (1923) к сонетам Петрарки (1934).

Одновременно переводческую работу Мандельштама в 1921 году в Грузии следует отнести, вслед за работой К.Д. Бальмонта, к самым истокам серьезных контактов русских поэтов-переводчиков и грузинской поэзии, достигших своего расцвета уже в тридцатых годах, когда к переводам с грузинского были привлечены Б.Пастернак, М.Цветаева. Б.Лившиц, Н.Заболоцкий, Н.Тихонов и др. русские поэты.

Есть свидетельство – правда, единственное – о том, что ориентировочно – в 1933 г. Мандельштам передал свой сборник в одно из грузинских издательств. В.А. Меркурьева писала Е.Я. Архиппову 4 января 1934 г.: «Мандельштам обворожителен, но – посмотреть и почитать, кстати, стихов своих он мне так и не дал, - разрознены, затеряны, единственный экземпляр печатается в Тифлисе, выйдет неизвестно когда...»

В этой связи весьма примечательна рабочая записка В.В. Гольцева, сделанная в 1934 году на рукописи «Избранного» Симона Чиковани: «Желательны переводы Мандельштама!»

До этого, однако, не дошло. В мае 1934 года Мандельштам был арестован и выслан на три года в далекую уральскую Чердынь, замененную на Воронеж.

В Воронеже, 7 ноября 1935 г., Мандельштам правил стихотворение «Тифлис», заменив в 4-й строфе «товарища» на «обманщика», а «духан» на «бутылку», а в фев-

▲ Памятник Осипу Мандельштаму

рале 1937 года Тифлис снова мощно ворвался в стихи – далекий, желанный, летний:

*Еще он помнит башмаков износ –
Моих подметок стертые величье,
А я – его: как он разноголос,
Черноволос, с Давид-горой гранича.*

*Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы;
Балкон-наклон-подкова-конь-балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы...*

*И букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке света, -
А город так горазд и так уходит в крепь
И в моложавое, стареющее лето.*

Ритмическая волна перекинулась с Куры и Тифлиса на Колхиду, на всю Грузию, в целом. Воспоминание о свадебной кавалькаде, встреченной однажды в Сухуме, отозвалось так:

*Пою, когда гортань сыра, душа – суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в груди Колхиды колыханье?..*

Это стихотворение – воспоминание о свадебной кавалькаде, встреченной однажды в Сухуме. Написанное в начале февраля 1937 года, вслед за отчаянным «Куда мне деться в этом январе?», созданное в Воронеже

– городе, названном Н.Я. Мандельштам в этой связи бесприютным, оно возвращает поэта в средиземноморскую, эллинскую атмосферу Золотого руна, в «моложавое, стареющее лето», в лоно «грузинской традиции» русской поэзии. Ведь и Грузия для русских поэтов часто была страной изгнания, но, как подчеркивает Н.Я. Мандельштам, изгнания совсем другого – приветливого, гостеприимного, а нередко и желанного, всегда – приятного!

*В оцинкованном влажном Батуме,
По холерным базарам Ростова
И в фисташковом хитром Тифлисе
Над Курюю в ущелье балконном
Шили платье у тихой портнихи...*

Эти строки – все, что осталось в памяти Н.Я. Мандельштам от еще одного «грузинского» стихотворения, написанного в Воронеже уже в апреле 1937 года (эта датировка косвенно подтверждается совпадением с мощной ритмической волной – анапестом – марта-апреля: «Как по улицам Киева-Вия...» и др.).

И, в завершение, несколько неожиданный постскрипtum.

Несловохотливый художник Василий Шухаев, вернувшийся в Тбилиси с Колымы в 1945 или 1946 году, рассказывал Кире Вольфензон-Цыбулевской, как однажды – а был он в том же пересыльном лагере, что и Мандельштам, - его угостили самокруткой, свернутой из... мандельштамовского автографа.

Павел НЕРЛЕР

ЗНАЙ НАШИХ!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В очередь за талантами она пристраивалась несколько раз: яркая актриса, она поет и танцует, а еще – пишет поэтические тексты, а еще – сочиняет сказочные представления для детей. «Гроза», «Зимняя сказка», «Я, Булат Окуджава», «Карьера Артуро Уи», «Аленький цветочек», «Емелино счастье» - вот далеко не полный список ее удач. С недавних пор она – заведующая труппой театра имени Грибоедова. И это все о ней, об Анне Арутюнян.

Сердечно поздравляем нашу коллегу и подругу с днем рождения!
Желаем здоровья и благоденствия, удачи и процветания, больших успехов и вечной весны – в творчестве и семье!

Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова,
Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

Анна Арутюнян на сцене и в ролях

ГОРОД ДОБРЫХ НАЧИНАНИЙ

Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова открыл новый гастрольный сезон.

В столице Аджарии на сцене Батумского драматического театра имени И.Чавчавадзе грибоедовцы показали два спектакля – документальную драму «Маяковский» и музыкальную сказку-феерию по мотивам повести А.Грина «Алые паруса».

«Не скрою, мы волновались, поскольку понимали, перед какой публикой нам предстоит выступить, - рассказывает директор театра, заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий. - Батумский зритель известен своей взыскательностью и в хорошем смысле слова избалован выступлениями самых высоких профессионалов. Тем ценнее тот успех, с которым прошли спектакли Грибоедовского».

Премьера спектакля «Маяковский», посвященного 120-летию юбилею со дня рождения поэта, 19 июля 2013 года, в его родном городе, на сцене Кутаисского драматического театра имени Л.Месхишвили в рамках VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос». Постановку по собственной инсценировке осуществил художественный руководитель театра, лауреат Государственной премии Грузии и премии им. Котэ Марджанишвили Автандил Варсимашвили. Спектакль начинается и заканчивается самоубийством поэта. Но что явилось истинной причиной трагического исхода великого поэта? Режиссер-постановщик начинает собственное расследование. С одной стороны, он прослеживает все важные вехи жизненного пути Маяковского, а, с другой, вызывает для «дачи показаний» свидетелей и очевидцев – Веронику Полонскую, Лилю Брик, Николая Шенгелая, Михаила Зощенко и других людей, оставивших свой след в жизни поэта и, в свою очередь, оставшихся навсегда ранеными присутствием Маяковского в их жизни. Зрителю остается только следить за неожиданными поворотами сюжета, выстроенного А.Варсимашвили.

На спектакле «Маяковский» в Батуми зрительный зал был заполнен до отказа. Внимательная тишина во время драматического действия и овации по его окончании – это ли не свидетельства настоящего успеха?

С аншлагом прошла и одна из самых известных постановок Грибоедовского для юного зрителя – «Алые паруса». Постановка была приурочена к 90-летию написания знаменитой повести Александра Грина, которая, в общем-то, предназначена скорее для юношества, нежели для детей. Но постановщики Автандил Варсимашвили и Вахтанг Николава адаптировали произведение специально для юных зрителей. Главная тема понятна и близка всем, а детям особенно – надо верить в чудеса. И в самом деле, дети, пожалуй, единственные из нас, кто ждет чудес. Не случайно самым запоминающимся эпизодом в спектакле, который вызвал живую реакцию в зале, оказался момент встречи главных героев – появление Грея на корабле под алыми парусами. А одна из юных зрительниц по окончании спектакля взволнованно и радостно сказала корреспонденту Аджарского телевидения: «Спектакль шел на русском языке, и я понимала не все слова, но все чувствовала. Главное - это верить в чудо, и тогда оно обязательно произойдет».

«Для нас важно, что мы представили батумцам постановки из наших «сезонов русской классики», и они нашли отклик и понимание, - отмечает Н.Свентицкий. - Но, знаете, гораздо важнее то, какая именно публика оценила наши спектакли. На «Маяковском» - интеллектуальная элита, творческая интеллигенция, искусственные знатоки литературы и театрального искусства. На спектакль «Алые паруса» пришел самый требовательный зритель – дети. К тому же особо трогало сердце, что в зале находились дети-инвалиды, дети из малообеспеченных и многодетных семей, которым нам удалось подарить праздник. И, конечно, я не могу не сказать слова особой благодарности в адрес тех, кто оказал всемерную поддержку гастрольной поездке театра имени Грибоедова в Батуми – Правительству Аджарии и лично его главе господину Арчилу Хабадзе, а также ООО «Гза» и «Орби Групп».

Поздравим театр имени Грибоедова с удачным гастрольным почином. Тем более что коллективу предстоит напряженный график поездок в течение всего года – театр ждут как в Грузии, так и за рубежом.

А Батуми всегда был и остается счастливым городом для добрых начинаний!

Соб.инф.

▲ Темо Степанов, Арсен Еремян, Георгий Басилашвили.
Начало 60-х. Фото Иллариона Хуцишвили

ЛИНИИ ЖИЗНИ

Улицы – как люди. У каждой – свое лицо и свой характер. Проспект Руставели – главная артерия города, его парадный подъезд. Это – правительственные учреждения и театры, музеи и гостиницы. Это – всегда нарядная шумная толпа, извечный людской круговорот под раскидистыми платанами.

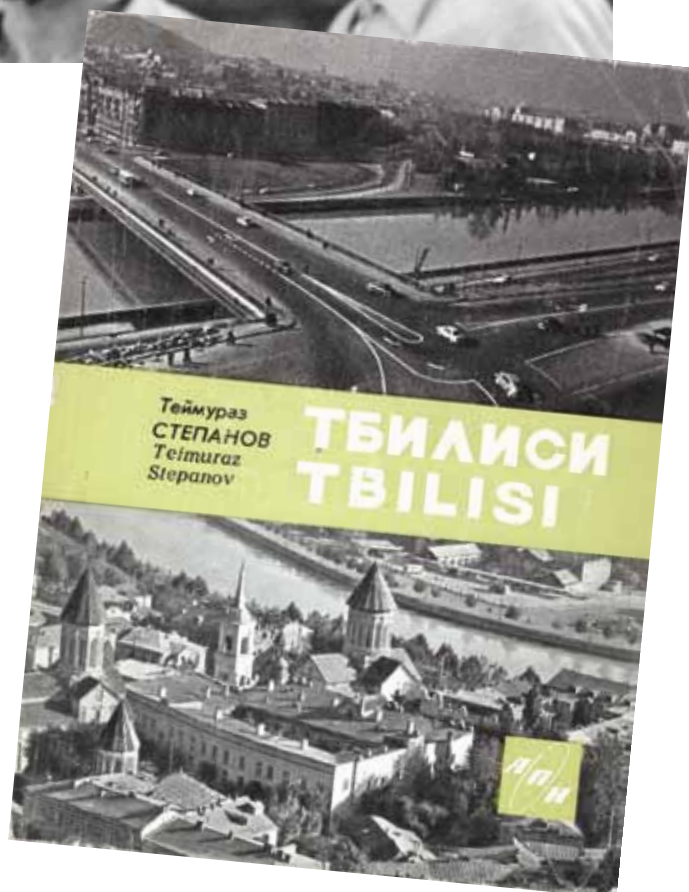
А в нескольких кварталах от проспекта – сумрак винного погреба, влажно отсвечивающий булыжник, темное дерево балконов, неожиданная вспышка ярких красок – переброшенные через перила ковры. Винная улица. А рядом – улица Серебряная, здесь жили чеканщики, серебряных дел мастера. А еще есть – Банный ряд, Кузнечная улица, Хлебная площадь. Проспект Ильи Чавчавадзе – студенческая магистраль. Улицы района Надзаладеви – «Красного пояса» Тбилиси, улицы, поднимавшие над баррикадами красные знамена и оружие, строящие сегодня заводы и жилые здания.

Новые магистрали пересекают старые, берут начало от них, сливаются с ними, идут рядом и никогда заранее не знаешь, где прошлое напомнит о себе, контрастным фоном оттенит новь.

У каждой улицы – свой язык, свой говор. Речь одной нетороплива, размерена медленным отсчетом янтарных четок, другая певуче произносит слова, складывая их в грузинский стихотворный размер «шаири», третья усвоила лаконичный язык формул...

Улицы текут в широком русле, обозначенном рядами новых зданий. Улицы, словно водопады, летят с отвесной высоты. Улицы не спеша поднимаются в гору или карабкаются по скалам, осторожно пробираются по краю каменистых террас... Ритм городской жизни – то ускоренный до предела, то спокойный, как течение равнинных рек, – во многом обусловлен расположением, направлением городских магистралей.

Не всегда легко дышится древним городам. Порой прерывается и ровное дыхание Тбилиси. Первостроители города не очень-то задумывались о его буду-

щих границах. А сегодня Тбилиси приходится решать множество сложнейших проблем. Не хватает строительных площадей – давным-давно застроено ущелье Куры. Город улицами и домами своими то поднимается вверх, то спускается вниз и, стараясь расправить плечи, осваивает равнинные участки вдали от естественных своих рубежей. Вытягиваясь в длину на десятки километров, город испытывает большие тяготы. Транспорт не поспевает за его ростом, дорого обходится прокладка дополнительных коммуникаций. Но дело не в средствах и не бюджет волнует градостроителей. Как покончить с аномалией роста, обеспечить тбилисцам максимум удобств, чтобы в красивом городе каждому жилось красиво?

Молодой архитектор Кучи Чубабрия цитирует мне Корбюзье: «Улица – это ручей, это глубокая рана, это тесный коридор. Мы касаемся стен локтями сердца и наше сердце всегда угнетено. Так продолжается уже тысячу лет».

Это словно бы сказано и о старых кварталах Тбилиси. Но я чувствую: Кучи и его коллегам не хочется лишать Тбилиси созданного людьми, временем и природой своеобразия.

Перед строителями города стоит задача; ограничив рост Тбилиси в длину, дать ему выход вверх. Они начинают строить дома башенного типа. Гористый рельеф мешает им. Но он же становится союзником архитекторов и строителей, помогая обогащать силуэт города. Им приходится учитывать требование целостности ансамбля и необходимость сохранить памятники древнего тбилисского зодчества. Это нелегкая задача, но они считают, что обязаны решить ее.

Решать эту задачу архитекторы начинают еще в студенческих аудиториях. Группа дипломантов политехнического института представила проект реконструкции основного ядра старого Тбилиси. В пояснительной записке к проекту цитируется отрывок из «Воспоминаний о Кавказе и Грузии», опубликованных во второй половине прошлого века: «В то время дома Старого города были устроены так, что, не касаясь мостовой, а поднимаясь и опускаясь с одной крыши на другую, можно было обойти целый квартал и открыть себе вход в любой дом...» Эта картина почти не изменилась и по сей день. Но вот поднялся над узорчатыми балконами башенный кран, и в окружении церквей высится копер шахты Метростроя. А на планшетах проекта железобетонные эстакады подчеркивают многоэтажные уступы, к которым лепятся дома.

Они органично вписываются в древность и, не загромождая ее, облегчают сообщение, подводят к домам коммуникации – мостами соединяют эпохи.

Чем озабочен сегодня мэр Тбилиси?

Чем озабочены сотни людей, ежедневно входящих в старое здание городского Совета на площади Ленина?

Царевич Вахушти Багратиони, историк и географ XVIII века, составил подробный план и описание города. Линии улиц на этом плане – линии долгой жизни города. Одни размыты временем, другие пережили века, найдя продолжение в новых магистралях, нанесенных на карту Тбилиси его строителями.

К старому зданию городского Совета стягиваются все линии тбилисской жизни и отсюда же берут начало почти все жизненно важные артерии города.

Чем озабочен мэр Тбилиси?

Не столь быстрыми, как ему хотелось бы, темпами жилищного строительства. Нарушением ритмичности

графиков движения городского транспорта. Затянувшимся ремонтом старых зданий в кварталах Харпухи. Реконструкцией и строительством коллекторной системы...

Свою журналистскую карьеру я начинал в отделе городского хозяйства газеты «Вечерний Тбилиси», и мне, в силу профессиональной заинтересованности, часто приходилось бывать в старом здании городского Совета с его многочисленными коридорами, галереями, переходами под низкими сводами, где целый день, не умолкая, стрекочут пишущие машинки и пожилые мужчины в серых нарукавниках склоняются над бумагами. Я уже хорошо разобрался в механике этого разветвленного аппарата, и он не казался мне, как многим моим коллегам, олицетворением бюрократической скуки и серости. На моих глазах здесь происходили огромные перемены, и если бы я тогда задал вопрос: «Чем обрадован мэр города?», то в ответ услышал бы рассказ о решении многих проблем, которые еще вчера сбивали ровное дыхание Тбилиси, оборачивались для моих сограждан множеством тягот и неурядиц.

Одно из самых острых воспоминаний детства – жажда. Мы не спали ночами, ждали, когда из крана тонкой струей потечет вода. Мы таскали к крану ведра, кувшины, тазы, лохани и, выстраиваясь в очередь, слушали рассказы стариков о водносоках, разносивших в кожаных «тулухи» драгоценную воду.

«По причине жары летом жизнь в таком городе невыносима» - это было сказано о Тбилиси в XIX веке. Невыносимой была жизнь летом в городе и спустя столетие – из-за нехватки воды в сорокаградусную тбилисскую жару.

В условиях беспланового, анархического роста Тбилиси в XIX веке, хищнического освоения городских площадей город лишался многих жизненно важных артерий. Маленький, рассчитанный на десятки тысяч жителей водопровод, по существу, держал город на голодном водном пайке. Горожане пили речную воду, но летом Кура мелела, обнажала белое каменистое дно... Строились новые водоводные линии – Натах-тари, Булачаури – но рост города, его население опережали это строительство...

- Хочешь, поедем завтра посмотреть, как прокладывают трубы нового водопровода? - спросил редактор.

- Конечно! А где это?

- В Чопорти, в долине Арагви...

Мы ехали в машине и слушали рассказ инженера о новом сооружении.

- Пойма реки Арагви богата водой. Отличная вода – холодная, вкусная. Это известно давно. Древний водопровод, построенный во времена царицы Тамары, пролегал в этих местах. Новая магистраль почти «перекликается» со старой. Но она мощнее, и потому инженерная задача была куда более сложной.

Прошло несколько лет, и в тбилисских газетах появились сообщения о досрочной сдаче в эксплуатацию Чопорти – Мисакциельского и других водоводов. На сессии городского Совета мэр Тбилиси говорил:

- Город ежегодно получает около двухсот миллионов кубометров воды, что полностью удовлетворяет потребности тбилисцев.

Просто, скупо, сухо. А надо бы еще сказать и о том, что Тбилиси сегодня – один из самых обеспеченных водой городов мира...

- Я живу в Дигоми...

- А я в Сабуртало...

- Я – в Авчала...

Дигоми, Сабуртало, Авчала, Глдани – районы тбилисских новостроек. Ежегодно городской жилищный фонд возрастает на двести шестьдесят – двести восемьдесят тысяч квадратных метров. Это немало. Но надо бы больше, много больше. В кабинете мэра говорят о необходимости наращивать мощность домостроительного комбината, о шестнадцатизэтажных каркасных домах, строительство которых уже начато, о реконструкции проспекта Руставели...

Я живу в Дигоми. Что я знал об этом районе, когда три года назад получал ключи новой квартиры? В Дигоми – тренировочная база футбольной команды тбилисского «Динамо», базисный питомник городского озеленительного хозяйства, крупнейший винный погреб Института виноградарства.

В день новоселья мой сосед, Нико Чубинашвили, искусствовед и историк, просветил меня.

- Гордитесь, - сказал он, - мы – аванпост. В Дигоми, а точнее – в Дигвами, проходил оборонительный рубеж Вахтанга Горгасали. Дигоми первым принимал удары с северо-запада...

Мы выпили за процветание Дигоми, и вино еще больше настроило нас на торжественный лад.

Дул сильный, почти ураганный северо-западный ветер, и наш новый дом казался мне парусом. Я выглянул в окно и увидел вереницу машин, с которых мои будущие соседи сгружали мебель, множество нужных и ненужных вещей, к которым так привязывается человек.

Моя старая улица осталась далеко-далеко. Там я жил, окруженный теплыми огнями окон, а здесь ночная мгла наполнилась криком ветра, надвигалась холмами, за которыми росли горы.

Сегодня в Дигоми меня встречают и провожают теплые взгляды окон, и там, где высились холмы, поднялись корпуса нового комплекса киностудии «Грузия-фильм», а за ними, в тополевых рощах, растет здание Института хирургии и гематологии, и управляющий домами с гордостью говорит о том, что население Дигоми перевалило за тридцать тысяч, и я вспоминаю ту ночь, когда мы первыми встречали удары урагана...

В последнее воскресенье мая в Тбилиси приходит Праздник цветов. Между городскими районами начинается соревнование – кто лучше оформит дом, ули-

цу, выставочный стенд, кто проявит больше выдумки и вкуса в организации «цветочного торжества».

Из ворот реквизитного цеха киностудии выезжает дореволюционный фаэтон – на дурых шинах, с лакированными крыльями, до пронзительного блеска начищенными медяшками. На облучке сидит меднолицый красавец в фуражке с лакированным козырьком, в черном кафтане, туго перехваченном красным кушаком. Сидение завалено охапками гвоздик и роз.

Древность эта не спеша объезжает весь город – и в новые кварталы района Сабуртало, куда путеводитель 1925 года рекомендовал отправляться на перепелиную охоту с двухдневным запасом воды, «чтобы не испытывать муки жажды», и все без исключения городские проспекты, а под конец он наведывается в Старый город, где фаэтон встречают с особым энтузиазмом. Старушки в лечачи (прим. женский головной убор) радостно улыбаются, старики похлопывают кучера по плечу, а когда фаэтон уезжает, начинаются воспоминания...

В XIX веке известный русский поэт Яков Полонский писал:

Я слышу скрип и шум и крики-хабарда!
...Вот буйволы идут, рога свои склоняя;
Тяжелая арба скрипит на двух колесах...
Вот, вижу караван подходит шемаханский...

В моем доме живет Николай Хелашвили, кондуктор автобуса, которым я езжу на работу. Утром в автобусе вместо приветствия я читаю ему эти написанные сто двадцать лет назад стихи, и он морщится:

- Все недоволен, да? Автобус с арбой сравнил? А ведь не понимаешь, что машин городу не хватает...

Аномалия роста, о которой я уже писал, становится для нас причиной транспортных неурядиц, особенно ощутимых в новых районах Тбилиси.

За сто двадцать лет, со времен «шемаханских караванов» многое изменилось на городских транспортных магистралях. В 1884 году по улицам города прошла конка. Всего девять трамвайных вагонов курсировало в 1920 году... К 1968 году – Тбилиси один из немногих городов мира, располагающий и наземным, и водным, и воздушным транспортом. Воздушные канатные дороги соединили проспект Руставели с плато фуникулера, районы Сабуртало и Дидубе, парк Ваке с горным Черепашьим озером...

- И ты все недоволен? - говорит кондуктор Хелашвили. - Все об арбе вспоминаешь? Ну, ладно, завтра откроется метро и – чтоб я тебя больше в автобусе не видел!

Сегодня на станции «Дидубе» я сажусь в вагон «подземки», а спустя 13 минут 45 секунд эскалатор поднимает меня в вестибюль станции «300 арагвинцев».

Тбилисский метрополитен призван окончательно решить транспортную проблему города.

Девять станций, десять с половиной километров подземных проспектов, голубые поезда, пролетающие эту трассу за считанные минуты. В недалеком будущем протяженность подземных путей Тбилиси возрастет почти вдвое... Тбилисское метро уже успело «обрасти» легендами, - тбилисцы никак не могут без них – островами, шутками...

Газета «Вечерний Тбилиси» рассказала о старике, приехавшем в столицу из высокогорного села. Шесть часов пробыл старик в метро. Он сомневался, не доумевал, восхищался, все норовил потрогать руками

— и облицованные салиетским мрамором стены, и чеканные горельефы, и даже жезл дежурной по станции.

- Подземелье? - восклицал он. - Не верю! Воздух – как на вершине Абухало! Свет – как на перевале Цхра-Цкаро! Скорость – будто крылатый Мерани несет вас! Не говорите мне, что я попал в подземелье!

В пункт медицинской помощи станции «Площадь Руставели» пришел пожилой мужчина.

- Вот, решил осмотреть все службы метрополитена. И вас навестил. Прошу зафиксировать в журнале мой визит.

- В журнал мы записываем сведения об оказанной пассажирам медицинской помощи, - сказал, улыбаясь, врач.

- Ну, вот и прекрасно. Запишите, что от большого волнения у меня давление поднялось...

- Какое отношение имеет железная дорога к проблемам высшего образования?

Профессор, задавший этот вопрос студенту, не шутил. Но студент решил отделаться шуткой:

- Самое непосредственное. Во время каникул она доставляет студентов к местам отдыха...

Профессор улыбнулся.

- Так, так... Интересно... Продолжайте...

- И еще: по железной дороге идут поезда, битком набитые непризнанными гениями, будущими Ньютонами, Эйнштейнами, Эдисонами... Едут они в столицу, убежденные в своей исключительной одаренности, готовые крошить зубами гранит науки...

- Это уже намного ближе к истине... Продолжайте, прошу вас...

Трамваи, троллейбусы, автобусы, такси, поезда метро выплескивают на привокзальную площадь толпы

людей. Где-то в этом мире затерялись будущие попутчики – научный сотрудник института электроники, едущий в Москву на симпозиум по системам управления, работник Министерства сельского хозяйства, командированный в Институт чая и субтропических культур, метеоролог арктической станции, проводивший отпуск в Тбилиси...

Убежден, что в недалеком будущем вагон железной дороги – даже при растущих скоростях движения – станет такой же экзотической диковинкой, как почтовый дилижанс. И все-таки железная дорога будет забита странствующими и путешествующими. Как много чудесных мгновений подарила нам она в детстве и в юности и сколько захватывающих дух преданий связано с ней!

На исходе последнего десятилетия прошлого века под Сурамским хребтом был пробит железнодорожный тоннель – и поныне один из самых длинных в стране. Была красивая легенда, - она выдавалась за быль, и мы ей верили – связанная с этим событием: к определенному расчетам дню не встретились, разошлись группы рабочих, пробивших тоннель с обеих сторон хребта, и руководивший работами инженер, потрясенный своей ошибкой, покончил жизнь самоубийством. Сразу же за роковым выстрелом последовала весть: ошибки не было, проходка тоннеля завершена!

Несколько лет назад в одной тбилисской газете появилась статья, безжалостно развеявшая легенду. Неопровержимо, педантично, документально автор доказал, что никакого самоубийства не было. На другой день мне позвонил знакомый преподаватель математики:

- Послушайте, вы должны, вы обязаны опровергнуть опровергателя!

- Но он прав...

- И тем не менее!.. Как вы не понимаете, что эта легенда была нужна нам, нашим детям! Она говорила: смотрите, как надо любить свое дело, с какой высочайшей ответственностью надо относиться к нему!.. А вы говорите: он прав! Никому на свете не нужна такая правда!..

И все-таки – какое отношение имеет транспорт к проблемам высшего образования?

Вопрос историка не остался без ответа, правда, выдержанного в такой тональности, что не мог быть принят всерьез. Профессор ждал ответа, основанного на реальных исторических фактах, с ссылками на реальные источники, с упоминанием реальных исторических лиц.

Грузия начала и середины XIX века... Самый короткий путь в Россию – через Дарьяльское ущелье в теснинах Кавказа, вдоль реки Терек. Самый короткий, но не самый легкий путь. И все-таки были люди, решавшиеся пройти этим путем. Они стремились к университетским городам России – высших учебных заведений в Грузии тогда не было, в дальней дали времен остались первые на Востоке академии Гелати и Икалто, - и все надежды на пробуждение родины были связаны с этой дорогой вдоль Терека. Они стремились в университетские города России, чтобы потом вернуться в Грузию со знаниями. Этих людей называли «тергдалеулни», что в буквальном переводе означает – выпившие воду из Терека. Один из «тергдалеулни» великий грузинский поэт и общественный деятель Илья Чавчавадзе мечтал о нескольких десятках дипломированных специалистов для своей родины...

Я вхожу в аудитории Тбилисского университета, слушаю лекции, беседую с преподавателями и студентами – отдаленным рефреном к этим встречам и беседам звучат газетные строки, написанные почти полвека назад: «Больше тридцати лет кавказское население просит открыть университет в Тифлисе. Собрано для этой цели уже больше двух миллионов рублей, а университета все нет. В совете министров еще не окончилось обсуждение этого вопроса. Там еще выслушивают возражения директора департамента полиции Зуева, который боится, что с открытием университета «крамола» еще больше упрочится на Кавказе...»

Я вхожу в аудитории Тбилисского университета, слушаю лекции, беседую с преподавателями и студентами и вижу, как далеко смелой по тем временам мечте Ильи Чавчавадзе до сегодняшней действительности. Стало почти хрестоматийным статистическое свидетельство о том, что Грузия по числу специалистов с высшим образованием занимает одно из первых мест в мире.

Всматриваясь в лица студентов, я узнал многих. Где я их встречал? Вспомнил! Тбилисский вокзал в страдную августовскую пору. Поезда ближнего и дальнего следования. Разговоры в вагоне – о лазерах, полупроводниках, машинах-экзаменаторах, об удачах и неудачах...

Кахетинское шоссе – «виноградная» трасса, соединившая столицу Грузии с городами и селами Алазанской долины. Ее начало обозначают обелиск и облицованный экларским камнем родник – по давней грузинской традиции у ворот города путника встречает звенящий серебром воды ключ. У родника останавливаются машины, груженные виноградом и вином Кахетии. Чаша Тбилиси наполнится кахетинским вином – его доставляют в Тбилиси грузовые машины и железнодорожные составы. В аэропорту Тбилиси приземляются авиалайнеры с луковицами голландских тюльпанов. В обратный рейс они везут охапки ранней мимозы...

У авиаворот Тбилиси происходят удивительнейшие встречи – достаточно провести здесь час, чтобы сразу войти в курс тбилисских дел.

Самолет из Глазго доставил футболистов и болельщиков шотландского клуба «Селтик» - предстоит четвертьфинальный матч на Кубок обладателей кубков...

У взлетного поля выстраивается почетный воинский караул, работники аэропорта устанавливают микрофон – в Тбилиси прилетает глава зарубежного государства...

Стартует самолет с академиком Константином Эристави на борту – в далеком горном селе местные врачи ждут помощи и консультации видного хирурга.

Парни в альпинистских доспехах садятся в вертолет. В гости к альпинистам Тбилиси приехали швейцар-

ские горовосходители, и объединенная экспедиция готовится нанести визит Большому Кавказу...

В аэропорту Тбилиси я встречаю сотрудников Института геофизики, везущих оборудование для станции противорадовой службы – станция обстреливает специальными ракетами несущие град облака, чтобы обезопасить виноградники...

В Телави открылась международная летняя школа физиков – ученые из Франции, Англии, США, стран Латинской Америки со своими тбилискими коллегами специальным рейсом вылетают в Телави...

«ТУ», «ИЛы», «АНЫ», «Ли» - самолеты, самолеты, самолеты. Восемьдесят минут – до Минеральных Вод, два часа с четвертью до Киева, два с половиной – до Москвы, четыре – до Ленинграда... Кахетинское шоссе кажется продолжением посадочной полосы. Под колеса набегают блестящая лента асфальта, и машина проносится мимо родника, под аркой, на которой я успеваю прочесть слова: «Добро пожаловать в Тбилиси!»

Теймураз СТЕПАНОВ
Из книги «Тбилиси»
1968

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

ბობონ

Shikhvi

Dry White Wine
2006

Alc 11.5% Vol

PRODUCT OF GEORGIA

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

